

Коллектив авторов

«Оранжевая революция». Украинская версия

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171342
«Оранжевая революция». Украинская версия: Европа; Москва; 2005
ISBN 5-9739-0004-5

Аннотация

В России украинская «оранжевая революция» — предмет расслабленного, благодушного интереса. Но Майдан — это никакая не украинская, а очередная русская революция, еще одна в длинном ряду с 1905 г.

Присвоение революциям монополии на историческую справедливость — тяжелое наследство советского времени. Признание права на альтернативу — выход из дурной бесконечности «перманентной революции» от Троцкого до Ющенко.

История киевских событий, изложенная от лица их непосредственных участников (в числе которых — и составители сборника), — это урок для России, тот случай, когда можно поучиться на чужих ошибках.

Содержание

Предисловие к российскому изданию	4
От составителя	7
Об авторах	9
«Оранжевая революция»: причины, характер и результаты	11
Причины и характер событий	12
Внешнее влияние	15
Выход из кризиса и его общая оценка	16
Результаты и тенденции послекризисного развития	17
О причинах «оранжевой революции» в Украине	19
А была ли революция?	20
Метаморфозы правящего режима	23
Нелегитимность власти	26
Цивилизационный разлом	29
Возможный выход из кризиса при помощи реформы	33
Влияние внешних факторов	37
Заключение	41
«Оранжевая революция» – пример революции глобального общества	43
Идеология «оранжевой революции»	44
«Оранжевая революция» – многосоставный политический процесс	45
Политтехнологический проект	47
Социальная база «оранжевой революции»	50
Новые политические формы революции	51
Сравнение «оранжевых» событий и классических «бархатных» антикоммунистических революций	52
Взгляд из Москвы на президентские выборы в Украине	54
Почему ставкой Москвы оказался Виктор Янукович. Чем был плох Виктор Ющенко?	55
Возможна ли «оранжевая революция» в России?	57
Каково будущее Украины?	59
Причины неопределенности ближайшего будущего – что должна определить ближайшая история	60
Коктейль победы: почему Россия выиграла украинские выборы	64
Российский прессинг и притяжение Европы	70
Асимметрия внешних влияний на выборы в Украине	71
Мотивация, поведение и ошибки Москвы	72
Европа: вовлечение против воли	74
Что дальше?	76
Оранжевая революция в контексте жанра	77
А был ли мальчик?	78
Революционная ситуация	79
Почему верхи не смогли?	80
Заграница нам...	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

«Оранжевая революция» Украинская версия

Предисловие к российскому изданию

Уже полгода Россия наблюдает у своей страны-соседки обострение, которое с неясным восторгом именуют оранжевой революцией. Но злорадство, с которым русское общество встречает затруднения собственной власти, не скроет того, как расслабленно, с благодушием иностранца Москва следит за чужой революцией. Украинские составители сборника, увы, не могут позволить себе подобного.

* * *

Наименование чего-либо революцией обычно смягчает возражения ей. Большинство авторов сборника извиняются за термин «революция», и тем не менее вынуждены его применять. Одно это – несомненно революционный симптом, ведь революция – это крайний случай политики свершившихся фактов. В конце концов, киевская революция – никакая не украинская и не восточноевропейская. Это хорошо нам памятная русская революция, еще одна в столетней цепи таких же, начиная с первой русской революции 1905 года. Сделанные в СССР среди иных рефлексов имеют такой: с революциями не спорят, ибо они – воля самой истории. «Революция исторически неизбежна» – звучало в ряду формул «Учение непобедимо, потому что оно верно!» и «Партия и правительство постановили, что...» Революционная политика – это право меньшинства диктовать *factum est* в качестве великого всенародного выбора. Но какой факт продиктован украинцами-победителями украинцам-побежденным?

Здесь мы наталкиваемся на мощную мифологию выборов, едва не украденных у народного президента. Оставим в стороне криптофашистский концепт «народного президента», вернемся к выборам. Они – были? В смысле было ли что-то, процедурно смахивающее на выборы, кроме великого народного порыва («народ» для которого подвозили на автобусах и халявных поездах убитого вскоре министра Кирпы)?

* * *

Насколько всем интереснее обсуждать технологию революций в Сербии или Грузии, чем будни раскрепощенных наций! Переходя к послереволюционной современности, собеседник скучнеет: рай победивших демократий – периферия, убожество и гражданское небытие.

В тюрьмах Грузии все так же пытаются, как прежде. Конституцию реформируют, но, разумеется, всегда в пользу полномочий народного президента. Впрочем, граждане перестают ходить даже на «хорошо подготовленные» выборы – в Сербии из-за этого выборы президента срывались дважды... А еще – невероятные, но неопровержимые политические обвинения, завершающиеся подбрасыванием улики... А чего стоят загадочные «самоубийства», где самоубийца по несколько раз и под разными углами стреляет в себя и еще сам себе ломает пальцы! Или когда страны, как та же Сербия, рассыпаются на части, а второстепенные еврочиновники ненадолго приезжают их мирить – с порцией строгой любви и указаниями что-то еще отдать...

Приняв роды у революции, сам Хавьер Солана редко навещает ее колыбель – дело сделано, *factum est*. Бунтари, свергнувшие «управляемую демократию», получают автократию, управляемую извне.

* * *

Революция – это переворот, претендующий на тотальную миссию и легитимирующий себя этой миссией, пренебрегая возражениями и несогласными. Что такое тотальные выборы? Вам объясняют – это тщательно организованные выборы (*Washington Post*). Организованные – извне, при участии местных активистов.

Технологией тотальных выборов является **массовое вовлечение граждан страны в добровольный демонтаж ее суверенных институтов**. Мотивацию заменяет эйфория временного освобождения – тот или иной «майдан» и «площадь свободы», то есть место, где якобы отменяется сила тяжести и все танцуют. Организация карнавально-досуговой эйфории составляет важную сторону дела, пока обыватель не присоединится к маршам пустых кастрюль и пляскам студенток консерватории – перед войсками, которым не велено шевелиться.

Тайна революций – в бессилии, овладевающим их жертвами перед низвержением в Аид. Фигура Кучмы сохранит трагическое обаяние, несмотря на директорскую матершину, олигархические попойки и поздние метания запертого в Конча-Заспе монарха.

Выборы – пройденная революционная технология. Воля народа, как учит нас президент Буш-мл., должна быть выслушана в любой форме, какую угодно придать народу. Сама же народность есть качество, атрибутируемое в Европарламенте либо Конгрессе.

* * *

Что нового в тотальных выборах? Они порождают власть, которая знает, что уже не уйдет. Народную власть, именем народа США, легитимность которой далее зависит от голосований в Конгрессе, а не в Раде. Такая власть спокойно работает над своим увековечением. Ее нельзя сместить, дабы не умерла Украина. Ее государственная работа посвящена страховке себя от «предвыборных случайностей», что уже вполне различимо. Революционная власть по чужому шаблону выстраивает внутри себя эрзац-плюрализм – делая реальный плюрализм уже несущественным. Легко заметить, что следующие выборы в Раду будут практически неконкурентными; все конкуренты будут куплены, запуганы и (или) заласканы.

Нам кажется, не может же быть так, так нечестно... но, собственно говоря, почему? Современный Запад уже объявил цель недопущения «иной Европы» – то есть формирования институтов цивилизационной идентичности Востока Европы. Когда главной ставкой является именно десоверенизация Евровостока – включая дискредитацию самой идеи суверенитета – вы встретите холодное, насмешливое, квасьневское игнорирование любых ваших аргументов.

* * *

Революционные технологии дешевле и проще демократических – киллерами которых наняты. Одноразовая имитация выборных процедур с привлечением масс для объявления подлинного результата выпотрашивает этический смысл демократии. Под флагом легитимности упраздняют гражданский суверенитет. Да, это увлекательная политическая игра, но – для удаленного игрока. Тотальные выборы – последний спектакль на родине перед долгими

зарубежными гастролями. Как пишут в швейцарской прессе, сербские активисты столь проворны и эффективны, что прочно заняли место на восточном рынке. (Примерно то же говорят о сербах-контрабандистах.) Театр Ги Дебора вдруг закрывается, массовка расходится по домам, уныло оглядываясь в поисках демократии.

Но разве у нас было не так? Победа демократии в России-1991 за год изничтожила многомиллионное низовое освободительное движение – оставив всенародного президента и бизнес-труппу лицензионных демократов (числом в сотню литкритиков и эстрадных комиков пополам с информированными прокурорами). Россия обменяла суверенитет свободного общества на революцию именем общечеловеческих ценностей – то есть право меньшинства затыкать остальным рты пошлостями типа «иного не дано» и «красно-коричневый реванш». Страна в итоге революции получила меньше демократии, а не больше. Заодно революция уничтожила и государство, и общество. Кроме того, именно в августе 1991-го, а не в 2004-м Россия потеряла Украину, испугавшуюся – и справедливо – революционных безумств Москвы, оградившись от Ельцина *незалежностью*. Та революция стоила нам и Союза, и Украины.

* * *

Революция есть верный способ потерять там, где не ждал. Она – катастрофическая игра с нулевой суммой, где победитель получает все – включая право на вас и ваше будущее. Мир нормально опасен – подойдя слишком близко к обрыву и запоздав отпрянуть, завещаешь свои игрушки другим. То же в истории. Хунвейбин с цитатником «Поры» – простой хунвейбин, слепое средство разгрома институтов вроде стамески или цитатника председателя Мао. Он легко перехитрит неуклюжего бюрократа – и даст себя облапошить речевками в стиле нас богато, нас не подолаты. Поющий хитрован – легчайшая добыча азиатских вождей. Когда-то хунвейбин постареет, обрюзгнет и образумится – но за вас и вместо вас.

В мире тотальной игры нет правил – и не предусмотрены условия почетного мира для проигравших. Им нужен тотальный выигрыш, следовательно, нам чертовски нужно дать им проиграть. У России богатый опыт не только «успешных», но и успешно предотвращенных революций. Тем ценнее предоставленная нам авторами возможность поучиться на чужих ошибках.

Глеб ПАВЛОВСКИЙ

От составителя

Украинская «оранжевая революция», вне сомнения, принадлежит к одной из наиболее контраверсивных тем в современных политических дебатах. Спектр оценок событий, инициированных в конце 2004 года киевским «майданом», чрезвычайно широк. «Демократическая революция, порожденная широким протестным движением», «переворот, организованный западными спецслужбами», «конец имперским амбициям Кремля», «источник поляризации и раскола Украины», «завершение постсоветского периода истории», «приход в Украину демократической трансформации, начатой в странах Восточной Европы 15 лет назад», «продукт борьбы конкурирующих групп хищнического капитала на завершающем этапе приватизации», «самое мощное расширение на Восток свободного рынка», «первая электоральная победа Запада над Востоком Украины», «впечатляющий успех гражданского общества» – эти и другие эмоциональные определения отражают лишь малую толику бытующих в Украине и за ее пределами взглядов по поводу потрясших нашу страну событий. Конечно, основательный и детальный анализ «оранжевой революции» будет возможен лишь по прошествии нескольких лет, когда страсти улягутся и можно будет подвести первые итоги правления новых руководителей Украины. Но уже сегодня представляется возможным сформулировать некоторые предварительные выводы относительно причин, движущих сил, общего характера, а также политических, экономических и геостратегических последствий происшедших событий.

Именно этой целью и задались авторы предлагаемого вниманию читателя сборника – политологи и общественные деятели из Украины, России и Германии. Среди них есть как горячие сторонники «оранжевой революции», так и ее явные оппоненты, а также исследователи, стремящиеся по возможности остаться «над схваткой» и занять «нейтрально-объективистскую» позицию. Такой авторский состав отражает общую концепцию издания – представить точки зрения политологов из разных стран, которые придерживаются порою противоположных и взаимно исключающих версий в объяснении феномена украинских политических трансформаций.

Должен особенно подчеркнуть, что каждая публикация представляет собою сугубо личную точку зрения. Авторы сборника имеют различные политические взгляды и пристрастия, отстаивают зачастую несовпадающие интересы, исходят из разных систем идеологических ценностей. Далеко не со всеми выводами своих украинских, российских и западных коллег согласен и я лично. В частности, речь идет о ряде высказываний Константина Затулина, Андраника Миграняна и Петера Шульце.

Всем участникам сборника в качестве ориентира было предложено ответить на следующие вопросы:

- 1) в чем причины политического кризиса в Украине и где нужно искать поводы для массовых выступлений;
- 2) каковы основные побудительные мотивы участников массовых акций;
- 3) в чем цели и методы действия организаторов «оранжевой революции»;
- 4) легитимны ли действия сторон, участвующих в конфликте;
- 5) насколько велико влияние внешних факторов на украинские события;
- 6) является ли «оранжевая революция» политической революцией в классическом понимании этого слова? В чем сходство «оранжевой революции» с «бархатными революциями» в Праге, Белграде, Тбилиси и перестроечной Москве и в чем ее отличие от них;
- 7) можно ли подвести предварительные итоги «оранжевой революции» и каковы возможные последствия для Украины и стран бывшего СССР.

В качестве приложения к сборнику приводятся результаты президентских выборов 2004 года (в том числе в региональном разрезе); документы эпохи «оранжевой революции» (решения Центральной избирательной комиссии, Верховного суда, Верховной рады Украины, декреты Комитета национального спасения, договоренности «круглых столов» с участием международных посредников, коммюнике съездов представительских органов власти разных уровней, постановления местных органов власти, заявления и выступления кандидатов в президенты, заключения наблюдателей за выборами, отрывки из стенограмм ряда заседаний парламента); хроника наиболее важных событий, а также таблица, дающая наглядное представление о динамике спада и роста ВВП Украины за годы независимости. Приложения подготовлены экспертами Киевского центра политических исследований и конфликтологии Алексеем Толпыго и Алексеем Поповым.

Надеюсь, что это издание будет представлять интерес для всех, кто интересуется политическими процессами в современной Украине.

Михаил ПОГРЕБИНСКИЙ

Об авторах

Александр ЛИТВИНЕНКО – первый заместитель директора Национального института стратегических исследований, доктор политических наук, автор многих публикаций по анализу политической ситуации в Украине и на постсоветском пространстве, а также работ, посвященных исследованию «информационных операций» и информационных аспектов политической безопасности; преподавательская деятельность – Институт международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко.

Владимир МАЛИНКОВИЧ – директор Украинского отделения Международного института гуманитарно-политических исследований, кандидат медицинских наук, доктор медицины, украинский политолог и общественный деятель, видный представитель правозащитного движения. Был членом Украинской Хельсинкской группы, старшим редактором программ русской редакции «Радио Свобода», редактировал в эмиграции журнал «Форум» (издательство «Сучасність»), являлся главой Комиссии по содействию демократизации и развитию гражданского общества при президенте Украины.

Сергей МАРКОВ – директор Института политических исследований (Москва), исполнительный директор Ассоциации центров политического консультирования, главный редактор иностранной редакции интернет-издания «Страна. Ru», доцент философского факультета Московского государственного университета имени Михаила Ломоносова, кандидат политических наук. Преподавательская практика – курс политологии в Московском институте радиоэлектроники и автоматики и Московском институте социальных и политических наук; стажировка – Университет Висконсин, Мэдисон. Сотрудничал с Московским центром Карнеги, являлся консультантом Совета Безопасности при Президенте Российской Федерации.

Андраник МИГРАНЯН – российский политолог, вице-президент Международного фонда «Реформа», профессор Московского государственного института международных отношений, кандидат исторических наук. Академическая деятельность – Институт мировой экономики и международных отношений и Институт международных экономических и политических исследований Российской академии наук; читал лекции в Университете Сан-Диего; являлся членом Президентского совета, главным советником Комитета по международным отношениям Верховного Совета Российской Федерации и главным экспертом Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Автор многих работ в области сравнительной политологии, истории политических учений, теории международных отношений.

Аркадий МОШЕС – руководитель программы «Россия и ЕС» Финского института международных отношений, до недавнего времени – заведующий сектором безопасности региона Балтийского моря Института Европы Российской академии наук. Доктор исторических наук; многие его работы посвящены украинско-российским отношениям.

Вячеслав НИКОНОВ – президент Фонда «Политика» (Москва), российский политолог, доктор исторических наук. Был помощником руководителя аппарата президента СССР, председателем подкомитета по международной безопасности и контролю над вооружением Комитета по международным делам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Преподавал в Калифорнийском технологическом институте. Является автором ряда книг, касающихся исследования Республиканской партии США и политических процессов в современной России.

Михаил ПОГРЕБИНСКИЙ – директор Киевского центра политических исследований и конфликтологии, украинский политолог, менеджер и советник ряда избирательных кампаний, возглавлял Центр рыночных реформ, являлся помощником заместителя предсе-

дателя Верховной рады, советником премьер-министра и администрации президента Украины. Автор многочисленных публикаций, касающихся вопросов анализа текущей политической ситуации, реформы политической системы, становления институтов гражданского общества, российско-украинских отношений, технологии проведения избирательных кампаний.

Алексей ПОПОВ – эксперт Киевского центра политических исследований и конфликтологии, политолог, журналист и переводчик, основная специализация – избирательные системы, этнические проблемы. Входил в число создателей «Интерфакс-Украина», работал редактором этого агентства, сотрудником телекомпании АТН (Харьков); автор многих статей, посвященных политическому анализу, в различных изданиях Украины и России («Понедельник», «ForUm», «Независимая газета», «Газета СНГ. Ru»).

Александр РАР – руководитель Рабочей секции при Фонде Кербера по России и странам СНГ Научно-исследовательского института Германского общества внешней политики, политолог и историк, один из ведущих немецких экспертов в области политических процессов на постсоветском пространстве, автор многих работ на эту тему.

Максим СТРИХА – украинский писатель, переводчик, общественный и политический деятель, доктор физико-математических наук, заведующий лабораторией методологических проблем культурной политики Украинского центра культурных исследований. Являлся членом президиума Центральной рады Украинской республиканской партии «Собор».

Алексей ТОЛПЫГО – эксперт Киевского центра политических исследований и конфликтологии, кандидат физико-математических наук; преподавательская практика – Обнинский филиал Московского инженерно-физического института и Киевский политехнический институт, автор многих книг и статей в области политических наук и математики.

Владимир ФЕСЕНКО – украинский политолог, председатель правления Центра прикладных политических исследований «Пента», кандидат философских наук. Преподавал в Харьковском национальном университете им. В. Каразина (социологический факультет) и Украинской инженерно-педагогической академии, стажировался в Институте Гарримана (Колумбийский университет) и Университете Квинз (Канада).

Антон ФИНЬКО – эксперт Киевского центра политических исследований и конфликтологии, окончил Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко по специальности «политология». Работал в Национальном институте проблем международной безопасности; автор ряда публикаций в области истории политической мысли, этики, анализа экстремистских идейных течений.

Лилия ШЕВЦОВА – ведущий исследователь Московского центра Карнеги, доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений, известный специалист в области анализа функций политических институтов и российской внутренней политики. Являлась заместителем директора Института международных экономических и политических отношений Российской академии наук, исследователем Международного исследовательского центра Вудро Вильсона, преподавала в Университете Беркли.

Доктор Петер В. ШУЛЬЦЕ – профессор Центра европейских и североамериканских исследований Университета Георга Августа (Геттинген), много лет отдал работе в Фонде Фридриха Эберта. Является автором многочисленных работ, посвященных анализу политической ситуации на постсоветском пространстве.

«Оранжевая революция»: причины, характер и результаты

Александр ЛИТВИНЕНКО,

первый заместитель директора Национального института стратегических исследований, доктор политических наук

Значение событий 22 ноября – 8 декабря 2004 года для будущего не только Украины, но Восточной Европы в целом трудно переоценить, хотя их последствия станут в полной мере очевидны лишь несколько позднее, вероятно, где-то через два-три года. Однако уже сейчас киевский Майдан – основная публичная сцена и символ событий – стал предметом пристального внимания, оживленного обсуждения как политиками, журналистами, так и экспертами, причем не только в Украине, но и за ее рубежом.

Особенностью нынешнего этапа этой дискуссии является ее чрезвычайно высокий накал, широкое использование эмоционально окрашенных терминов, например таких, как «революция» или «заговор иностранных спецслужб». Представляется, что ноябрьско-декабрьские события в Украине не были в полной мере ни тем и ни другим.

Причины и характер событий

Анализируя «оранжевую революцию», сегодня с достаточно большой долей уверенности можно говорить о ее семи основных характерных чертах.

Во-первых, протестные выступления в Киеве и других городах Украины представляли собой широкое социальное движение, направленное на защиту гражданских прав. Безусловно, в их организации присутствовали довольно существенные технологические элементы. Однако ключевым фактором этих выступлений стал высочайший уровень политической активности граждан – принципиально новый феномен современной украинской истории. При этом необходимо подчеркнуть, что такая активность была направлена в первую очередь не на поддержку конкретного кандидата, а на защиту права выбора как важнейшей общественной ценности.

Поводом для массового протеста стали зафиксированные в общественном сознании массовые фальсификации народного волеизъявления во время второго тура выборов президента Украины 21 ноября 2004 года. При этом с политической точки зрения утратил свою актуальность и значимость вопрос «где, как и кем в реальности попирались права избирателей». Общественным фактом, конвенциональной (договорной) истиной стало широкое признание гражданами (и практически всеобщее – элитами) того, что подобные фальсификации осуществлялись прежде всего властью в восточных и южных регионах Украины.

Важнейшим фактором для массового движения стала сформированная за последний год в общественном сознании угроза так называемого прихода «донецких» – политико-экономической группы, с которой стойко ассоциировался Виктор Янукович. Летом и осенью 2004 года широчайшее распространение в среде мелкого и среднего бизнеса получили рассказы о насильственном переоформлении прав собственности на конкретные предприятия с их владельцев на представителей донецкой политико-экономической группы. В сочетании с установившимся образом «агрессивных донецких», а также с известными фактами биографии тогдашнего премьер-министра Украины Виктора Януковича такие слухи создали в широких и, что наиболее важно, активных общественных кругах стойкое неприятие президентских перспектив Януковича. Его победа стала связываться даже не с продолжением политического и экономического курса Леонида Кучмы, который во многом ассоциировался с нерешенными за десять лет проблемами Украины, а с открытым наступлением на права и свободы граждан, возможности свободного развития Украины.

Во-вторых, ноябрьско-декабрьские события были преимущественно городским движением, которое по своим существенным характеристикам близко к муниципальным, городским восстаниям в европейских городах в Новое время. Достаточно интересные параллели с «оранжевым» движением можно найти в классической «Истории Флоренции» Никколо Макиавелли.

Лидирующей социальной группой в движении стал средний класс, мелкая и средняя буржуазия, интеллектуалы, преимущественно 1960 – 1970-х годов рождения. Особая роль в протестном движении принадлежала тем, кто работает с информацией: журналисты, рекламщики и программисты стали его важнейшей движущей силой. Именно неполная контролируемость как правящим режимом, так и политической оппозицией систем общественной коммуникации, и прежде всего информационной сети Интернет, предопределила активность населения, а также размах протестных акций. Важнейшим результатом событий стала проявленная широкая социальная солидарность, опирающаяся на высокое «классовое сознание» соответствующих слоев. Движение было также поддержано и некоторыми другими социально близкими группами, в том числе существенной частью бюрократии и, в первую очередь, сотрудниками правоохранительных органов, спецслужб и армии.

В-третьих, в целом довольно ограниченное буржуазно-демократическое движение за гражданские права сдетонировало с архетипами массового сознания. Основным лозунгом Майдана была борьба за Правду и Справедливость – главные политические понятия в странах поствизантийского ареала. Именно за Правду, за восстановление попорченной Справедливости выступали не только в Киеве, но и в Белграде, Софии и Тбилиси. И непринципиально, насколько реальным было такое поправление или представление о нем было сформировано с помощью современных коммуникативных технологий. Существенно важнее, что в постсоциалистических странах Справедливость, в первую очередь социальная, нарушалась и нарушается повсеместно. Достаточно отметить, что доходы 10 % самого обеспеченного населения превышают доходы 10 % наименее обеспеченных более чем в 30 раз.

Удивительную даже на фоне других событий второй половины 1990 – 2000-х годов бескровность и толерантность украинских событий следует отнести, кроме особенностей украинского общества и его поведенческой культуры, на счет существенно более тесной близости различных фракций украинского истеблишмента, как правящих, так и волею судеб оказавшихся в оппозиции, а также на счет личных качеств их лидеров.

Следует отметить, что на протяжении 1997–2004 годов состоялся ряд успешных и не совсем революций в странах Восточной и Южной Европы, которые существенно отличались от предыдущей волны «бархатных революций» в странах Центрально-Восточной Европы. Различные по размерам, геополитическому положению, исторической судьбе и политическим системам, эти страны объединяет только одно – доминирующая православная (и близкая к ней армянская) традиция и в целом принадлежность к так называемому поствизантийскому культурному кругу.

Почти единые по задачам, движущим силам и сценариям такие события состоялись одновременно в историческом измерении исключительно в поствизантийских странах, но пока что не во всех. Не во всех, например в Белоруссии, они были успешны. Однако этой судьбы до сих пор избежали Греция, Македония, Румыния, Турция и Российская Федерация. И если первые четыре страны уже давно встроены в новую Европу, а именно это в конечном счете и является основной целью судьбоносных «политических карнавалов», то в отношении России вопрос до сих пор остается открытым.

В-четвертых, противоречие между уровнем развития общества и политической системой стало основной причиной кризиса. Важнейшей характеристикой событий был высочайший уровень самоуправления, который характеризовал протесты. Вообще, украинское общество во время «оранжевых» протестов продемонстрировало значительно более высокий уровень как политической, так и общей культуры, нежели основные политические силы.

В то же время существенной особенностью президентской кампании с точки зрения «оранжевых» событий стало то, что разворачивание этой кампании происходило в двух различных плоскостях. Если в информационно-коммуникативной сфере на Виктора Януковича работала прежде всего медийная и наглядная агитация плюс массовые официозные мероприятия, то Виктор Ющенко, по крайней мере до своей болезни, выступал на митингах в регионах, а его команда была очень активна на уровне продуцирования слухов, анекдотов. Такая особенность кампании Ющенко принципиально упростила задачу мобилизации его сторонников на протестные мероприятия.

В-пятых, существенную роль в киевских, и еще более – в западноукраинских событиях сыграл фактор национально-освободительного движения. В восприятии многих украинцев из западных и центральных областей Ющенко стал выразителем национальных чаяний – особенно в контрасте с поданным в качестве пророссийского кандидата Януковичем. Активная поддержка «оранжевых» политиков на Западе Украины связывалась с надеждой на ускоренное решение задач дальнейшей эмансипации от России и приобретение Украиной центрально-восточноевропейского качества. Сюда же следует отнести и наличие

вавший религиозно-конфессиный элемент. В силу политической логики, а еще более – достаточно жесткой публичной поддержки Януковича отдельными представителями Украинской православной церкви Московского патриархата «оранжевое» движение нашло дружелюбно-позитивное отношение со стороны представителей иных конфессий, в первую очередь УПЦ Киевского патриархата и Украинской греко-католической церкви.

Впрочем, несмотря на то, что в рядах «Нашей Украины» немало политиков с ярко выраженным националистическим или радикалистским имиджем, весьма сомнительно, что Ющенко и возглавляемая им политическая сила захочет и тем более сможет обеспечить выдвижение и, главное, реализацию программы украинского этнического национализма. Намного вероятнее постепенное, безусловно, довольно медленное и небесконфликтное формирование новой украинской идентичности на основе общегражданских ценностей.

В-шестых, важным фактором в возникновении и существовании Майдана стало молодежное движение, студенческий бунт, в котором достаточно явно ощутим привкус парижских событий 1968 года. Во время протестного митинга практически непрерывно шел концерт известных украинских рок-групп, также можно отметить существенные элементы карнавальской культуры. Активное участие популярных рок-певцов и других представителей молодежной контркультуры в избирательной кампании Ющенко и затем в протестах еще более подчеркивает парадокс – превращение «лучшего банкира в мире в 1997 году» в символ чаяний принципиально антибуржуазно настроенных граждан Украины.

В-седьмых, безусловно, в осуществлении массовых протестов сыграла весомую роль технологическая составляющая. В частности, к ней следует отнести протестные организации типа «Поры» и т. д. Организация 18-дневного митинга, приезд в Киев десятков тысяч протестантов, преимущественно из Западной и Центральной Украины, порядок в палаточном городке и многое другое не могло быть осуществлено без наличия технологического ядра. Однако без стихийной составляющей масштаб акций, по экспертным оценкам, не превысил бы 40–70 тысяч протестующих, а формат воспроизводил бы события акции «Украина без Кучмы!» (зима 2001 года) или оппозиционной акции «Восстань, Украина!» (сентябрь 2002 года), которые не привели к существенным политическим последствиям.

Внешнее влияние

Важнейшей проблемой при анализе «оранжевых» событий 2004 года остается проблема массированного внешнего вмешательства во внутренние дела Украины. При этом можно говорить о четырех основных игроках: США, Российской Федерации, ЕС, а также как об отдельном игроке – странах «новой Европы», в первую очередь Польше и Литве.

Принципиальное отличие между влиянием Запада и России состоит в различных механизмах и формах. США и страны Европы имели достаточно артикулированную позицию относительно Украины. Во-первых, ими уже более десяти лет осуществлялись целенаправленные кампании по формированию прозападной украинской элиты, в частности в среде экспертов и журналистов, что в результате оказалось весьма эффективным. Во-вторых, официальный Вашингтон и Брюссель заняли чрезвычайно выигрышную позицию обеспечения прозрачности и демократичности процедуры выборов. В-третьих, в кризисной ситуации США, ЕС, Польша и Литва сумели стать активными посредниками в переговорах и обеспечить адекватное информационное, дипломатическое и специальное сопровождение своих действий. Официальному Западу удалось достаточно успешно обеспечить реализацию своих интересов, в целом сохранив при этом имидж невмешательства. Таким образом, прозападные силы в Украине получили существенное подкрепление своих позиций.

Важнейшим результатом событий стала фиксация новой роли Европейского союза как активного игрока на постсоветском пространстве. Польша, Литва и «брюссельские бюрократы», известные своей верностью евроатлантическим идеалам, значительно повысили свое влияние в Украине, создав определенные предпосылки для расширения «новой Европы» и обретения ею определенной субъектности.

В то же время украинская политика России характеризовалась неаккуратностью, отсутствием сколько-нибудь долговременного планирования, импульсивностью и ставкой на весьма сомнительные политические технологии. Резко активизировавшись на украинском направлении только в последние месяцы перед выборами, Россия не смогла выработать собственную позицию, обеспечивающую эффективную реализацию ее национальных интересов при уважении выбора украинского общества. Фактически возможности РФ были использованы в качестве ресурса командой Януковича. В частности, иначе как немаловажную ошибку нельзя оценить практически явное участие Владимира Путина в агитационных мероприятиях в пользу Виктора Януковича.

Принципиально повысив ставки в игре, Кремль превратил победу Ющенко в свое существенное геополитическое поражение. Существенно подорван положительный имидж современной России и лично Путина, еще недавно самого популярного политика в Украине. Поддержка и, более того, инспирирование восточнукраинского автономизма и сепаратизма со стороны отдельных российских журналистов, экспертов и даже политиков создает чрезвычайно негативный психологический климат в межгосударственных отношениях. Тем самым принципиально облегчена консолидация антироссийских сил в украинской политике и стимулировано проведение четко антикремлевского курса во внешней политике Украины.

Выход из кризиса и его общая оценка

Основные политические силы, в том числе инициировавшие протестное движение, достаточно быстро, где-то к 26–27 ноября, были напуганы его размахом и начали прилагать усилия, направленные на минимизирование результатов ноябрьских протестов, а также на постепенное ослабление социальной активности. В силу этого купирование глубокого кризиса было осуществлено через сложные политические решения Верховной рады – парламента Украины – и (с их учетом) политико-правовые решения Верховного суда. Решение высшей судебной инстанции 3 декабря 2004 года вступает в определенную коллизию с буквой закона, однако оно было принято в рамках действующей Конституции 1996 года и общего духа украинского законодательства. В целом его можно оценить как открывшее путь к урегулированию политической ситуации без выхода за пределы правового поля. Тем более что на момент принятия решения Верховным судом существовали весьма серьезные признаки возможной дальнейшей эскалации ситуации, перехода к принципиально неправовым, даже насильственным методам разрешения политических проблем. Решение Верховного суда было окончательно оформлено соответствующими законодательными актами Верховной рады и решением Конституционного суда, обеспечившими достаточную легальность и легитимность «третьего тура» выборов.

В силу вышеизложенного в целом «оранжевые» протесты ноября – декабря 2004 года можно характеризовать как мощнейшее протестное движение, обеспечившее защиту избирательных прав граждан и победу одной из фракций украинского истеблишмента. Одновременно эти события не привели и не могли привести к коренной ломке социально-политического строя и поэтому вряд ли могут сегодня оцениваться как революция. Однако Майдан привел к изменению многих тенденций общественно-политического процесса не только в Украине, но и во всей Восточной Европе. Размер и характер этих изменений, которые проявятся уже в ближайшие несколько лет, и дадут возможность реально оценить масштабы «оранжевого» движения.

Результаты и тенденции послекризисного развития

Среди основных результатов посленоябрьского развития следует выделить в первую очередь такие.

Во-первых, Украина вступила в период формирования нового политического режима, кристаллизации его основных характеристик, который продлится как минимум до середины 2006 года, когда после парламентских выборов марта 2006 года сформируется новая конфигурация и баланс политических сил. Основными особенностями этого периода, вероятно, будут половинчатость и противоречивость. Причем последствия «оранжевых» протестов для протекания и направления этого процесса будут иметь скорее психологический, нежели практический политический характер.

Во-вторых, не стоит переоценивать значение конституционных изменений 8 декабря 2004 года. Их следует рассматривать скорее как символ готовности основных политических акторов к компромиссу, нежели как сам компромисс и соглашение о законодательных рамках политического процесса. Известно, что фактическая конституция часто существенно отличается от конституции формальной, поэтому принятое Верховной радой Украины ограничение полномочий президента в пользу правительства и парламента обозначает не конечный результат, а только направление развития политического и государственного режима.

В-третьих, важнейшим результатом кризиса стало резкое расширение сферы публичности. В этой сфере произошел настоящий прорыв – Украина увидела, как много интересных и умных людей есть как в столице, так и в регионах. Разблокирование официальных СМИ, если оно не станет кратковременным эпизодом, уже в ближайшем будущем должно катализировать развитие гражданского общества, создать новые рычаги общественного давления на элиты и государство.

Одновременно в сферу общественной дискуссии попали важнейшие вопросы развития Украины, ранее замалчиваемые из достаточно обоснованных опасений за гражданский мир и спокойствие. Речь идет, в частности, о проблемах новой украинской идентичности, культурно-языковых противоречиях, региональных различиях, проблемах местного самоуправления и устройства страны.

В-четвертых, возникает уникальный шанс для дальнейшей культурной консолидации Украины. Именно сейчас следует проработать и уже в ближайшее время осуществить комплекс мер по целенаправленному формированию новой украинской идентичности, которая бы интегрировала и сняла до сих пор чувствительные проблемы региональных различий: языковые, религиозные и т. п. В условиях активизации сепаратистских проявлений, которые могут составить серьезнейшую угрозу национальной безопасности Украины, эта проблема приобретает особое значение.

В-пятых, «оранжевые» протесты засвидетельствовали формирование в Украине мощных городских социальных слоев. Именно их политическая активизация создает определенные возможности и перспективы для дальнейшего развития Украины в европейском направлении.

В-шестых, ныне в Украине существует реальная возможность воздействовать на содержание будущей политики, сформировав новую политическую и социальную повестку дня. Уникальность ситуации в том, что, присутствуя при рождении нации, можно повлиять на все ее будущее развитие. И в этом высший интерес и ценность ситуации для интеллектуалов.

В-седьмых, существенным образом изменилось политико-психологическое измерение международной ситуации, в которой находится Украина. С одной стороны, активность граждан принципиально улучшила имидж Украины в Европе и США, создала определенные

позитивные предпосылки для активизации и успешного развития отношений с Западом, и в первую очередь с США и непосредственными западными соседями Украины – странами «новой Европы».

С другой стороны, украинско-российские отношения уже в ближайшее время вступят в период определенного охлаждения. Среди причин этого – восприятие Кремлем и значительной частью российского экспертного сообщества украинских событий как катастрофического поражения РФ в ее глобальной игре с США, а также в немалой степени – опасения относительно экспорта идей «оранжевой революции». В этой ситуации Украина должна работать и проводить предельно взвешенную внешнюю политику, особенно на российском направлении. Тем более что есть достаточно много оснований прогнозировать, что декабрь 2004 года подведет черту под существованием постсоветского пространства как особого геополитического региона, гегемонию и безусловное доминирование в котором осуществляла Москва.

О причинах «оранжевой революции» в Украине

Владимир МАЛИНКОВИЧ,

директор Украинского отделения Международного института гуманитарно-политических исследований

В последние месяцы прошлого года мир наконец-то познакомился с Украиной. Не со страшным Чернобылем, расположенным где-то в украинской части российской, то бишь советской империи, не с украинскими звездами вроде Андрея Шевченко, братьев Кличко и победительницы «Евровидения-2004» Русланы Лыжичко, а с сотнями тысяч украинских оппозиционеров, до отказа заполнивших центральную площадь Киева – Майдан Незалежности и прилегающие улицы. В течение почти двух месяцев миллионы телезрителей в разных странах мира ежедневно видели их восторженные лица в обрамлении оранжевых знамен, флажков и воздушных шариков. И слышали их бесконечное скандирование «Ю-щен-ко!», «Ю-щен-ко!», их тысячеголосые призывы скинуть всем надоевшую, насквозь прогнившую, коррумпированную власть Леонида Кучмы и Виктора Януковича. Даже нелепая барочно-рококошная колонна в центре Майдана вдруг превратилась во что-то изящное и легкое. Такой пьяняще легкой, воздушной, бесконфликтно-мягкой, празднично-карнавальной казалась постороннему наблюдателю самая «бархатная» из всех известных миру «бархатных революций» – «оранжевая революция» в Украине.

Но чудес не бывает. Миром управляют объективные закономерности, если, конечно, этот мир сам является объективной реальностью.

А была ли революция?

С точки зрения марксистской теории, которую нам долго и упорно прививали, социальная или политическая революция – это коренной переворот всей жизни общества, насильственное низвержение старого и утверждение нового социально-экономического строя. Нечто подобное понимают под политической революцией и либеральные социологи. Ссылаясь на них, «Британская энциклопедия» определяет революцию в политике как стремительное и фундаментальное изменение всего порядка управления государством, обычно сопровождаемое насилием, результатом чего, как правило, бывают необратимые перемены в экономической системе, социальных структурах и культурных ценностях.

В том, что касается революционного насилия, оба этих определения, надеюсь, установили. Поражение коммунизма в государствах Восточной Европы и СССР – процесс, несомненно, революционный, но в большинстве этих стран он прошел без массового использования насилия. Без крови современные революции, пожалуй, могут и обойтись, но вот **без фундаментальных – то есть системных – изменений всего политического и социального строя революций**, думаю, не бывает. События, которые последовали за горбачевской «перестройкой» в республиках СССР и «бархатными революциями» в Чехословакии, ГДР, Венгрии, Польше и даже в Белграде, были бескровными, но, безусловно, революционными, т. к. до самых корней перетрясли всю систему политической, социально-экономической и культурной жизни общества.

Совсем не то в Украине (и, кстати, в Грузии Михаила Саакашвили). **Организаторы «оранжевой революции», включая самого Виктора Ющенко, вовсе не хотели системных перемен.** Именно правая оппозиция («Наша Украина» и Блок Юлии Тимошенко – БЮТ) активно сопротивлялась принятию закона о конституционных изменениях, который должен был обеспечить трансформацию президентской республики в парламентско-президентскую. Сначала они объясняли свою позицию тем, что политическая реформа нужна только президенту Кучме, стремящемуся сохранить свою власть. Год назад эти опасения были в какой-то мере обоснованы, но, вернувшись после лечения из Баден-Бадена, Кучма фактически устранился от всякой борьбы за реформу. Тогда оппозиция сменила пластинку: реформа, мол, непоследовательная, не касается местного самоуправления. Вот если бы голосовался не проект «парламентского большинства» (№ 4180), а совместный проект правой и левой оппозиции (№ 3702-1), «Наша Украина» и БЮТ его могли бы поддержать. Не успел Ющенко произнести эти слова с парламентской трибуны, как Кучма согласился вынести на голосование первым именно этот – хороший – проект, предусматривающий и реформу местного самоуправления. За этот проект проголосовали даже самые последовательные сторонники Кучмы – эсдеки. А вот правые оппозиционеры – «Наша Украина» и БЮТ – свой собственный законопроект не поддержали! Как не поддержали они и проголосованный ранее закон о пропорциональной избирательной системе, который также готовился с их участием. Причина? По-моему, она очевидна. Кандидат в президенты Виктор Ющенко в случае своей победы ни с кем не желал делить руководство исполнительной властью. Лишь в промежутке между вторым и третьим турами президентских выборов часть «оранжевых» согласилась проголосовать за конституционную реформу, но только в «пакете» с нужным им избирательным законом. Очень уж хотелось им победить, а для этого необходимо было законодательно ограничить голосование на дому и по открепительным талонам, а также сформировать нужным образом избирательные комиссии на местах. Да и соглашение со своим «левым» союзником Александром Морозом они вынуждены были соблюдать (без него не победили бы), а социалисты – самые радикальные сторонники реформы. Надо сказать, что и «пакет» поддержали

далеко не все правые оппозиционеры. Не голосовали сторонники Юлии Тимошенко и... сам Ющенко!

Если организаторы «оранжевой революции» не хотели системных изменений, то какой же в таком случае была их цель? Ответа на этот вопрос они не скрывают: цель лидеров правой оппозиции – смена политической элиты. Вряд ли такую цель можно считать революционной, но подавалась она читателям, зрителям, участникам акций протеста на Майдане как радикальная, поскольку людям обещали полное обновление власти, приход новых, честных, некоррупцированных политиков, готовых служить интересам общества. И здесь лукавство. Среди тех, кто стоял на оранжевой трибуне в центре Киева, людей, входивших в высшие эшелоны власти при Кучме, было никак не меньше, чем в окружении Януковича. Два бывших премьер-министра, два спикера, несколько вице-премьеров и вице-спикеров, очень много бывших министров и глав важнейших госкомитетов, представитель Кучмы в парламенте и др. Да и крупных бизнесменов (читай – олигархов) совсем немало: Юлия Тимошенко, Петр Порошенко, Давид Жвания, Евгений Червоненко, Леонид Черновецкий etc. Ближе к финалу к ним присоединились образцово-показательный нувориш Александр Волков и напрямую связанный с КГБ – СБУ Андрей Деркач, долгое время олицетворявшие обругиваемый оппозицией режим Кучмы и «крутой» бизнес; теперь же всю «оранжевую» экс-номенклатуру и не сосчитать. Почти все – вчерашняя, потерявшая власть номенклатура да оттесненные на периферию более мощными конкурентами «лидеры бизнеса». Учитывая эти обстоятельства, реальную, а не декларируемую **цель организаторов «оранжевой революции» можно определить одним словом – реванш.**

Такой была основная цель организаторов «оранжевой акции», но совсем не этого хотела основная масса ее участников. Свою позицию **протестанты, поддерживающие Ющенко**, адекватно представить не смогли, потому что **они были не столько самостоятельным субъектом, сколько управляемым «реваншистами» объектом политического действия.** Внешне требования сотен тысяч протестантов сводились к желанию сбросить злых властителей – Кучму, Медведчука, Януковича и посадить в президентское кресло «доброго царя» Ющенко, которому поможет расчистить от грязи «авгиевы конюшни» власти «народная заступница» Юлия Тимошенко (таковой ее считали наиболее радикальные участники акций протеста, но далеко не все). Однако основываясь только на этих требованиях, вряд ли можно объяснить причины, побудившие сторонников Ющенко выйти на улицы.

Пусть не было революции, но политический кризис все же был (и есть) – в этом, думаю, никто не сомневается. Об этом кризисе под условным названием «оранжевая революция» и пойдет речь дальше. Почему все-таки этот кризис разразился во времена, для страны относительно благополучные? В течение пяти последних лет производство ВВП в Украине постоянно росло, причем рекордными темпами. И товарооборот рос, и даже уровень жизни большинства украинских граждан повышался, хотя и не так быстро, как хотелось бы. Главное, что люди это ощущали. По данным социологов, средний балл оценки опрошенными гражданами экономической ситуации за последние пять лет увеличился вдвое. Число лиц, считающих эту ситуацию очень плохой, напротив, уменьшилось – с 40,7 до 18,3 %. ¹ Людей, неудовлетворенных своим социальным положением, в 2004 году по-прежнему много, но все же на 20 % меньше, чем пять лет назад. А число довольных своим статусом за это же время выросло с 8 до 15,4 %, то есть опять-таки почти вдвое. ² Наметилась тенденция к увеличению позитивных оценок того, что касается гарантий занятости, личной безопасности, мате-

¹ См.: Українське суспільство 1994–2004: соціологічний моніторинг. К.: Інститут соціології НАНУ, 2004, с. 10

² См.: там же, с. 24

риальных условий семейной жизни, медицинского обслуживания и условий отдыха.³ Замечают все это люди и тем не менее протестуют. Почему?

Чтобы понять суть массового недовольства в стране, находящейся в состоянии экономического подъема, – ту самую суть, которая, как правило, ускользает из сознания самих недовольных, – попробуем определить характер правящего в Украине режима.

³ См.: Українське суспільство 1994–2004. Моніторинг соціальних змін. К.: Інститут соціології НАНУ, 2004, с. 43

Метаморфозы правящего режима

Революция 1990–1991 годов (действительно революция, поскольку привела к созданию независимого государства и коренным образом изменила весь уклад жизни в стране) до сих пор не завершена. Независимость страна получила за счет компромисса между националистами и национал-демократами с одной стороны и напуганной августовскими событиями в Москве украинской компартийной номенклатурой – с другой. Политическая демократизация была проведена в значительной мере формально. Большая часть исполнительной власти оказалась сосредоточенной в руках одного человека – президента.

Он возглавил единую вертикаль административной власти – «от Москвы до самых до окраин», то есть от президентского кабинета на улице Банковой в Киеве до самого маленького села.

Располагая широкими политическими полномочиями, украинский президент в то же самое время не имел тех финансовых и экономических возможностей, что были у главы административной власти в советский период, поскольку государство больше не обладало монополией в экономике. Чтобы справиться с острейшим экономическим кризисом, поразившим Украину в 90-е годы, ему объективно необходима была помощь тех, кто успел сколотить значительный капитал во времена «перестройки» и в первые годы независимости. А большие деньги тогда делались почти всегда с грубым нарушением норм права или в лучшем случае в обход совсем не совершенного в те годы законодательства. Иными словами, весь наш крупный бизнес был нечист на руку. Нуждаясь в поддержке такого бизнеса, власть закрывала глаза на процессы в теневой экономике, поощряя тем самым коррупцию. Со своей стороны, и теневой бизнес нуждался в государственном покровительстве – для получения и сокрытия сверхприбылей и участия в приватизации бывших государственных предприятий на выгодных для себя условиях. Поскольку административная вертикаль подчинялась одному человеку – президенту, нувориши боролись за место в его окружении. Разумеется, ближе всего к президенту оказались самые богатые и сильные. В Украине это те, кто связан с энергетикой, с перераспределением импортных энергоресурсов, с приносящими валютную прибыль горнодобывающей, металлургической и металлообрабатывающей отраслями промышленности. Так, к середине 90-х утвердилось в Украине своеобразная, но отнюдь не уникальная, система власти – номенклатурно-олигархический режим. Подобные режимы с теми или иными отклонениями сложились и в большинстве других государств СНГ, существуют они во многих президентских республиках Латинской Америки и в ряде стран «третьего мира».

В годы развала советской экономики, когда производство ВВП снизилось более чем на 60 % по сравнению с 1990 годом, союз номенклатуры с олигархами имел и некоторое позитивное значение. Постоянно выходя за рамки правового поля и утаивая от налогообложения колоссальную часть своих доходов, теневой капитал все же заложил основы частной индустрии в Украине. Бывшие советские предприятия оказались в большинстве своем нерентабельными, и для того чтобы хотя бы часть из них могла сохраниться в условиях рыночной экономики, их нужно было срочно модернизировать. Для этого необходимы были мощные финансовые вливания. Иностранные инвесторы в Украину не спешили, и средства могли поступать (и поступали) в основном от тех, кто уже успел их приобрести путем «грабительского первичного накопления капитала» (так по Марксу). Кроме того, сложившиеся в это время мощные финансово-промышленные группы обеспечивали своей подпиткой какую-никакую работу госаппарата, взятками разлагая при этом государственных чиновников, втягивая их в систему тотальной коррупции.

Формироваться номенклатурно-олигархический режим начал с первых же лет независимости, еще при президенте Леониде Кравчуке (вспомним, к примеру, времена и. о. премьера Ефима Звягельского), но окончательно он сложился уже при Кучме. В период своего первого президентского срока Кучма еще мог сдерживать олигархов, и роль номенклатуры в политической системе тогда еще была решающей. Первое серьезное столкновение президента с бизнес-группами из его ближайшего окружения произошло при премьерстве олигарха-чиновника Павла Лазаренко. Контролируя созданную им мощную корпорацию «Единые энергетические системы Украины» во главе с Юлией Тимошенко и целый ряд других бизнес-структур, Лазаренко позволил себе не делиться с государством и правящей верхушкой по тем правилам, которые были негласно установлены до него. Кучма возмутился и уволил Павла Ивановича с поста премьера. Против него (и Юлии Тимошенко) начали готовить уголовное дело – благо компромата было более чем достаточно. Лазаренко и Тимошенко создали свою партию «Громада» и ушли в оппозицию. Так у противников Кучмы и его режима появилась своя материальная база.

Но это было только начало. В момент переизбрания Кучмы на второй срок и так называемого референдума номенклатурно-олигархический режим достиг пика своих возможностей. Однако тут же стали проявляться и первые симптомы его упадка. По мере преодоления экономического кризиса, завершения процесса приватизации и постепенного выхода крупного капитала из тени (когда он перестает бояться карающего меча бюрократии), олигархи начинают нагнать и их требования к власти усиливаются. Возможности олигархов растут, а влияние бюрократов уменьшается, что вполне естественно для развития такой – весьма специфической – политической системы в условиях рыночной экономики. Возникает потребность в политической реформе, которую можно проводить в двух прямо противоположных направлениях. Первое из них – решительное укрепление вертикали президентской власти и укрощение наиболее строптивых олигархов, то есть создание полноценного авторитарного бюрократического режима. Именно такое направление выбрала сегодня Россия Владимира Путина. Второй путь – демократизация режима и переход к европейскому варианту парламентской или, на худой конец, парламентско-президентской республики. Очевидно, второй вариант намного перспективнее.

В 2000 году Леонид Кучма еще не созрел до понимания необходимости демократизации режима (да и где вы видели правителя, который отказывался бы от своих полномочий в начале нового срока правления?). Пытаясь стабилизировать начинающий распадаться режим, он предлагает провести перераспределение властных полномочий (надо сказать, логически непоследовательное) при помощи референдума. Когда это не помогает, он лихо радочно проводит кадровые перестановки, а затем фактически отдает бразды правления своему «серому кардиналу» – Виктору Медведчуку.

Чувствуя слабость бюрократии, олигархи при власти все более откровенно начинают фрондировать, проявляют самостоятельность в парламентских баталиях, а иногда даже открыто переходят на сторону оппозиции, укрепляя тем самым ее возможности. После парламентских выборов 2002 года олигархи в системе власти стали занимать решающие позиции. Четче всего это проявилось тогда, когда самый мощный в стране донецкий клан, контролирующий горнорудную и металлургическую отрасли, предложил на пост премьер-министра своего ставленника – донецкого губернатора Виктора Януковича. И хотя имидж этого кандидата на пост премьера (и на президентский пост) явно проигрывал имиджу любимца значительной части общества Виктора Ющенко, донецкий клан заставил Кучму согласиться на эту кандидатуру. И Кучма вынужден был на это пойти, несмотря на две уголовные судимости в биографии нового премьера. Не мог он не согласиться, ибо в это время номенклатурно-олигархический режим превратился в режим олигархически-номен-

клатурный. Так называемая «бизнес-элита» подчинила себе административный ресурс и заставила его работать на себя. Это была первая причина политического кризиса.

Нелегитимность власти

Выход из экономического кризиса сопровождался укреплением позиций не только крупного, но и среднего и даже малого бизнеса. За последние пять лет число людей, легально занимающихся бизнесом, увеличилось вдвое. Бюрократические рогаки мешают развитию всякого бизнеса, а от коррупции чиновников мелкий или средний бизнесмен страдает больше, чем крупный. Очень богатый человек даже заинтересован в коррупции, так как она позволяет при помощи денег решать проблемы там, где ему не хватает административной власти. Особенно важно то, что развивающийся малый и средний бизнес явно неадекватно представлены в системе власти, где доминирует крупный капитал. Средний бизнес стремился компенсировать этот недостаток, пытаясь прорваться в парламент, где хотел лоббировать свои интересы через партии оппозиции или через одномандатные округа. Поэтому в «Нашей Украине» влияние среднего бизнеса значительно больше, чем в других партиях. Депутаты-мажоритарии, представляющие средний или крупный бизнес, так сказать, «второго уровня», действовали в соответствии с политической конъюнктурой и на первых порах поддерживали партию власти. Но когда их возможности проходить по мажоритарной системе оказались под угрозой (при голосовании за пропорциональную систему выборов), они по одному, а то и группами стали перебегать на сторону оппозиции. Та их охотно приняла, в очередной раз поступившись принципами и проголосовав против пропорциональной системы выборов, за которую всегда ратовала.

У малого бизнеса шансов стать субъектом политической жизни намного меньше, чем у среднего и крупного, но, будучи относительно свободным от давления непосредственных начальников, он, как показывает история, более других социальных слоев восприимчив к критикующей власть пропаганде и скорее всех выявляет готовность к акциям протеста.

Как это ни кажется парадоксальным, но и значительная часть наемных работников стала политически активной не тогда, когда их жизненные условия были абсолютно невыносимыми, а в последние годы, когда жить стало немного лучше. На самом деле парадокса здесь нет: пока идет борьба за кусок хлеба, все мысли только о том, чтобы выжить, — когда появилась возможность намазать хлеб маслом, вспомнили о «не хлебом единым...»

Из людей, сумевших найти свое место в новой жизни, стал постепенно формироваться средний класс. Активнее стали выявлять свою собственную позицию и те, из кого этот средний класс обычно пополняет свои ряды, — студенчество вузов и колледжей. Причем это было уже не то поколение студентов, что устраивало акции протеста в 1990 году, и не бесцветное растерянное поколение молодежи середины и конца 90-х, которое еще плохо ориентировалось в непривычном социальном пространстве (из старого дома вышли, в новый еще не вошли). Теперь это была наиболее активная часть молодежи, выросшая и получившая образование уже в независимой Украине, осваивающая западные ценности и, в большинстве регионов Украины, уже забывшая о ценностях прошлого (в том числе, к сожалению, и о традициях русской культуры).

Власть будто и не замечала социальных перемен. **Несмотря на то что социальная роль среднего и малого бизнеса, а также квалифицированных наемных работников (то есть среднего класса) по мере развития украинской экономики существенно усиливалась, олигархическо-номенклатурный режим не позволял этому классу адекватно участвовать в политической жизни Украины.**

Хотя успехи экономики в последние годы были значительными, но за чертой бедности все еще оставались миллионы людей. Соответственно сохранялся и протестный потенциал «аутсайдеров». Во время последних выборов Януковичу удалось за счет ускоренной, явно предвыборной реализации социальных программ перетянуть на свою сторону часть

пенсионеров. Но ослабил он этими действиями прежде всего коммунистов, которые во втором туре и так были его негласными союзниками. А протестанты, идущие за социалистами Мороза, вместе с ним перешли в лагерь «оранжевых», обеспечив, как потом выяснилось, своим переходом победу Ющенко. Значительная часть «аутсайдеров» клонула и на демагогические призывы откровенной популистки Юлии Тимошенко, играющей в Украине роль хорошо всем известной Эвиты Перон.

Предлагая «аутсайдерам» социальные проекты, Янукович не собирался представлять их интересы в политической жизни страны (он и не смог бы этого сделать, поскольку сам являлся ставленником олигархических кланов). А Тимошенко и Мороз обещали им свое политическое заступничество. Массы людей, выйдя из состояния апатии периода выживания, стали проявлять общественную заинтересованность, но реализовать ее в рамках существующей системы власти не могли, а независимых структур гражданского общества, через которые они могли бы влиять на партии, парламент, правительство, президента, по сути, нет. И эти люди стали искать место под «оранжевым» солнцем оппозиции. **Нарождающийся средний класс ушел в основном под знамена Виктора Ющенко, низшие слои общества предпочли Тимошенко и Мороза. А партиям власти не доверял никто.**

Критические настроения в обществе с улучшением экономической ситуации никак не ослабевали. Доверие людей к органам власти не увеличилось, а готовность к участию в политических акциях протеста за последние пять лет существенно выросла – с 39 % до 44 %. Причем за последнее время увеличилось число тех, кто готов не только на легитимные, но и на нелегитимные акции протеста (от бойкота до создания вооруженных формирований). Если в 1997 году лишь 22 % опрошенных социологами граждан согласны были участвовать в нелегитимных акциях протеста, то в 2004 году таких было уже 37 %.⁴

Получилось, что **сама власть стала нелегитимной**. Уровень общественного доверия к ней был настолько низким, что миллионы людей были готовы действовать против нее нелегально, то есть нарушая закон. В любом случае они не стеснялись повсеместно заявлять об этом вслух, зная, что окружающие их поймут и поддержат.

Оппозиции в значительной мере удалось канализировать общественное недовольство и получить ту социальную базу, на которую она справедливо могла рассчитывать во время президентских выборов. Здесь проявился основной парадокс «оранжевой революции»: ее **организаторы хотели лишь поменять политическую элиту, а участники массовых выступлений хотели радикальной смены всей системы политической власти**, часто сами этого не подозревая.

Отсутствие доверия к власти со стороны общества и олигархическая доминанта внутри самого режима и стали важнейшими факторами успеха «оранжевых». Легкой и праздничной атмосфера «революции» была потому, что власть нигде не рискнула прибегнуть к силе. Даже там, где у нее были на то законные права, – например, при защите правительственных зданий в Киеве. **Если бы Кучма использовал в этом случае силу, его действия были бы легальными, но не легитимными.**

Ни большая часть общества, ни западное общественное мнение, с которым он вынужден был считаться, никогда не признали бы такие его действия оправданными. Хотя технически они вполне могли быть успешными – пространство, занимаемое «оранжевыми», постоянно расширялось за счет все новых и новых людей, прежде всего потому, что его никто не ограничивал. Вполне возможно, что Кучма пошел бы на применение силы, если бы речь шла о продлении его личной власти. Но перед самым своим уходом основательно пачкать руки (возможно, кровью) ради человека, которого навязали ему донецкие олигархи, подорвавшие к тому же основы его собственной власти, – нет уж, увольте. И напрасно, на мой взгляд, кое-

⁴ См.: Українське суспільство 1994–2004. Моніторинг соціальних змін. К.: Інститут соціології НАНУ, 2004, с. 469–471.

кто обвиняет Леонида Кучму в предательстве. Не было никакого предательства. Кучма действовал так, как только и мог он действовать в подобных обстоятельствах. Правда, объективно такое **поведение Кучмы** главным образом и **обеспечило победу Виктору Ющенко**, так что было бы справедливо, если бы новый президент вручил Леониду Даниловичу «орден оранжевой революции». Если, конечно, такой появится.

Цивилизационный разлом

Была и еще одна причина кризиса, о которой особый разговор. До сих пор речь шла об Украине как о целостном государственном и социальном образовании, но в реальности украинское государство существует вот уже более 13 лет, а единого социального пространства Украины (как и единой политической, а тем более гражданской украинской нации) пока еще нет. Что и подтвердили последние президентские выборы. Хотя во время этих выборов страна разделилась на две приблизительно равные по численности части, исторически сложилось так, что существуют даже не две, а три Украины.

Западная часть Украины – Галиция, Буковина и Закарпатье, частично Волынь – это, по существу, периферическая часть западноевропейской или западнохристианской цивилизации, о которой в свое время писали Артур Шпенглер, Николай Бердяев, Дж. Тойнби, а недавно Сэмюэль Хантингтон. Здесь не место спорить о том, идет ли в данном случае речь о двух цивилизациях – западноевропейской и евразийской – или же о подвидах одной и той же цивилизации – европейской (я склоняюсь ко второму варианту). Речь не идет и об их характеристике. Однако нельзя не признать, что линия разлома между ними проходит к востоку от Галиции, а значит, **Украина (по Хантингтону) является страной «цивилизационно расколотой», или, по крайней мере, «цивилизационно надтреснутой».** И трудно не согласиться с автором книги о войне цивилизаций в том, что «надтреснутые» государства, как правило, сталкиваются с проблемами сохранения единства страны.⁵ Если в прошлом такое единство в пределах не только Украины, но и всей советской империи поддерживалось всей мощью – идеологической, экономической и карательной – тоталитарного режима, то в независимой Украине конфликт между западными и восточными регионами не мог не проявиться. И он проявлялся. Достаточно четко во время президентских выборов 1991 и 1994 годов, а особенно выразительно во время последних выборов главы государства. За Виктора Януковича, противостоящего лидеру «Нашей Украины», проголосовали главным образом жители юго-востока страны, или так называемой русской Украины. Именно за эту часть Украины – Слобожанщину, Донбасс и Новороссию – спорили в 1917 году Центральная рада и российское Временное правительство, а Крым и вовсе был присоединен к Украине уже при Никите Хрущеве. Вряд ли есть хоть какой-то смысл воскрешать этот спор – сепаратизм Украине не просто не нужен, он опасен, но и игнорировать исторический опыт тоже нельзя. Тем более он время от времени сам напоминает о себе.

Галиция рассталась с «большой Украиной» еще в XII веке, и встретились они вновь лишь во времена Гражданской войны (ненадолго) и Второй мировой (навсегда). Австро-венгерское, а затем польское влияние на эти земли было весьма значительным, как и сохранившееся по сей день влияние Ватикана. А с Россией галичанам пришлось столкнуться только тогда, когда она пришла к ним в красноармейской шинели и принесла не только освобождение от нацизма, но и колхозы и жестокие массовые репрессии, о которых Галиция наверняка никогда не забудет. **Русский язык, русская культура для старшего поколения галичан – это язык и культура оккупанта.** Согласимся, что такой опыт общения с россиянами вряд ли можно назвать взаимообогащающим. На карте Гийома Левассера де Боплана времен Богдана Хмельницкого земли к северо-востоку от Глухова, Батурина и Полтавы входили в состав Великого княжества (царства) Московского. А южнее днепровских порогов начиналось Дикое поле, то есть ничья земля.⁶ Важнее, что и во времена Гетманщины нынешний юго-восток Украины находился не на ее автономной территории, а непосредственно в

⁵ См.: S.P. Huntington. The Clash of Civilizations and Remaking of World Order. N. Y.: Simon & Shuster, 1996)

⁶ См.: Гийом Левассер де Боплан. Опис України. К.: Наукова Думка, 1990)

составе Российской империи. Важно это потому, что порядки здесь были общероссийские, а не украинские, что не могло существенным образом не сказаться на ментальности и традициях местного населения. Достаточно, думаю, напомнить, что на Слобожанщине, в Донбассе, в Екатеринославской и Херсонской губерниях (то есть на территории, о которой идет речь) незадолго до революции 1917 года от 89 до 95 % сельскохозяйственных земель управлялись общинами, как и на большей части России. В то же время в соседних Полтавской и Киевской губерниях, а также на Правобережье Украины общинных земель было совсем мало – 5–7 %.⁷ Именно на востоке и юге Украины началась в XIX веке интенсивная урбанизация и индустриализация. Что касается русификаторской политики Петербурга, то она, несомненно, проводилась при помощи принудительных мер. Но в юго-восточных краях были свои особенности. Свою линию власть навязывала краю не только путем давления на украинский язык, но и путем превращения новых развивающихся городов, прежде всего Харькова и Одессы, в крупные университетские центры (Харьковский университет был основан в 1805 году, почти за 30 лет до основания университета в Киеве).

Большую часть жителей юго-восточной Украины с самого начала заселения этого края составляли украинцы. Поскольку в России и украинцы, и русские считались православными, их причисляли к великороссам или малороссам в зависимости от языка, который они считали родным. По всей Украине вчерашние крестьяне и их дети в больших городах довольно скоро переходили на язык правящей элиты – во Львове, например, на польский, а в центральной и восточной Украине – на русский. Дело, однако, заключается в том, что на юге и на востоке урбанизация и индустриализация после 1861 года были куда более интенсивными, чем в других частях Российской или Австро-Венгерской Украины.⁸ В результате русификация в юго-восточной Украине пустила наиболее глубокие корни, и **вот уже несколько поколений городских жителей этих областей считают своим родным языком русский язык**. И связи с Центральной Россией здесь теснее, чем где-либо еще.

Сегодня на юго-востоке находится около 80 % всего промышленного потенциала, и вклад его в общегосударственный бюджет самый большой. Урбанизация и индустриализация определяют здесь общий стиль жизни людей, существенно отличающийся от стиля жизни в западных и центральных регионах. В результате, как показывают социологические исследования, особой разницы в ценностной ориентации харьковчан или жителей Донбасса украинского и русского этнического происхождения практически нет. В то же время системы ценностей этнических украинцев того же Харькова и, допустим, Ивано-Франковска различаются весьма существенно.

Я так много уделяю внимания юго-востоку как раз потому, что проблема самоидентификации населения этого региона четко проявилась во время последних выборов. Что касается центральной части страны – Черниговщины, Полтавщины, Киевщины, Подолии и Волыни, то здесь мы также отмечаем некоторую разницу в ментальности жителей правобережной (польской) и левобережной (гетманщина) частей Украины, но она менее выражена, так как после разделов Жечи Посполитой все они жили приблизительно в одинаковых условиях российской, а затем советской империи. Если не считать самого Киева, то **урбанизация в центральных областях никогда не достигала восточноукраинского уровня, а потому и русификация в центре страны была недостаточно глубокой. Традиции самостоятельного землепользования** (по сути, фермерские) **всегда оставались здесь достаточно сильными**, несмотря на страшный искусственный голод 1933-го и последующие колхозные десятилетия. Киев был своего рода исключением. Город развивался очень быстро, прежде всего за счет крестьян. Но в отличие от царских времен, когда тон в городе задавала

⁷ См.: М. Порш. Статистика землеволодіння і мобілізація земельної власності в Україні // Україна № 11–12 – 1907.)

⁸ См.: Енциклопедія українознавства. – Т. 5. Париж: Молоде життя, 1966)

русскаяязычная элита, в советские времена ситуация была несколько иной. **Управленческие кадры провинциальной советской номенклатуры набирались из вчерашних колхозников, которые не столько приспособливались к традициям старого Киева, сколько пытались перестроить жизнь в городе на свой вкус.** О высокой украинской культуре речь не идет – наиболее талантливые ее представители преследовались. В конце концов в Киеве стал господствовать суржик, а в оформлении города, в том числе и архитектурном, стали четко прослеживаться примитивизм и безвкусица. Эти тенденции не только сохранились, но и приумножились в годы независимости, и памятником такому художественному невежеству стал Майдан Независимости, оформленный в соответствии со вкусами выходцев из села – киевского мэра Омельченко и президента Леонида Кучмы.

Начавшаяся еще накануне провозглашения независимости украинизация проводилась куда стремительней, чем русификация Украины в российско-советский период. Хотя разговорный русский язык еще доминирует в больших городах, а книжную и телевизионную продукцию на русском языке соответствующая украиноязычная продукция пока с рынка не вытеснила (качество все-таки отстает), можно констатировать: в сфере образования процесс украинизации зашел очень далеко.

Накануне провозглашения независимости число учеников русских и украинских школ в стране было приблизительно одинаковым (с небольшим перевесом в пользу русского языка). Уже через пять лет число школьников, получавших образование на русском языке, сократилось до 38 %. В 2001 году оно составило 26 %, а сейчас едва превышает 20 %. И это при том, что, по данным официальной переписи, 30 % всех украинских граждан считают своим родным языком русский (по данным последних социологических опросов – 36 %). С высшим образованием дела обстоят еще хуже. Если в советские времена высшее образование в Украине в основном получали на русском языке (и эта ситуация справедливо рассматривалось правозащитниками как дискриминационная по отношению к украиноязычным гражданам), то сейчас преподавание в вузах на большей части территории Украины ведется в основном по-украински, то есть **дискриминированными теперь являются носители русского языка, поскольку они в Украине не могут реализовать свой творческий потенциал на родном языке.**

С темой «оранжевой революции» проблема русского языка связана напрямую. Проанализировав процессы украинизации в различных регионах Украины, мы сможем убедиться: **в областях, поддержавших Януковича, уровень украинизации значительно ниже, чем в тех 17 регионах, которые большинство голосов отдали за Ющенко.** Еще три года назад в этих 17 регионах украинизация системы образования уже практически была завершена. На русском языке в школах училось лишь 3,5 % учеников, а в вузах – менее 1 % студентов. Даже в Киеве русских школ уже почти не было (осталось 7 из 436), как не было и вузов с обучением на русском языке. Город остается в основном (на 60–70 %) русскоязычным, но образования на русском языке молодежь уже не получает. Соответственно и связи с русской культурой у молодых киевлян довольно слабые. Неудивительно поэтому, что молодежь Киева в основном голосовала за Ющенко, которого активно поддерживали украинские националисты. Иное положение на юго-востоке. Здесь почти половина школьников все еще сохраняет возможность учиться на русском языке. И основные русскоязычные вузы тоже расположены именно в этой части Украины.⁹ То есть сельскохозяйственные регионы центра и запада, а также Киев к началу «оранжевой революции» уже были украинизированы, индустриальная

⁹ См: Статистичний збірник: Загальноосвітні, позашкільні, дошкільні та професійно-технічні навчальні заклади. К.: ВВП «Компас», 2001; Статистичний бюлетень: Основні показники діяльності вищих навчальних закладів України..., К.: 2001, К.: 2002.

же юго-восточная часть страны еще сохраняла свою русскоязычность, но уже ощущала, по-видимому, угрозу радикальной украинизации.

Таким образом, мы можем определить и **третий фактор, способствующий развитию политического кризиса. Это обостряющееся противостояние сельских районов и малых городов западной и центральной Украины, с одной стороны, и индустриальных центров юго-востока страны – с другой. В одной части** большинство составляют **украиноязычные жители, в другой – те, кто говорит преимущественно по-русски и сохраняет во многом общие с россиянами культурные и духовные традиции.**

Третий фактор, о котором идет речь, способствовал обострению политического кризиса, но вовсе не победе «оранжевых». Напротив, он существенно осложнил достижение этой победы, сделал ее возможной только потому, что на Ющенко работали первые два фактора, да еще четвертый (внешний), о котором речь впереди. Эти факторы дали ему преимущество, которое позволило «оранжевым» действовать не всегда законно, но всегда успешно. Тем не менее то, что третий фактор выявился в этот раз отчетливее, чем когда-либо ранее, на мой взгляд, – явление положительное. Миллионы жителей юго-востока до сих пор не привыкли связывать свое будущее с Украиной, с тем, что происходит в ее столице. Их внимание чаще всего было привлечено к событиям в Москве, а то, что происходило в Украине, их касалось лишь постольку поскольку. На первом этапе избирательной кампании они поддерживали Януковича пассивно, часто по приказу или даже за деньги. В ноябре – декабре они превратились в самостоятельных участников процесса. Они почувствовали, что их обидели, с их мнением не посчитались. **Многие жители восточных регионов стали теперь гражданами Украины и убедились в том, что их судьба решается в Киеве, а не в Москве,** и что в Киеве сильны националисты (те, кого они привыкли называть «петлюровцами» или «бандеровцами»), а это плохо для русскоязычных жителей индустриального Востока. Думаю, теперь эти люди захотят бороться за влияние на украинскую столицу. Поскольку левобережная бизнес-элита и вчерашние «партии власти» ради собственной выгоды отказались защищать интересы основной массы жителей юго-востока, можно предположить, что часть ставших активными граждан этого региона будет искать для себя перспективы вне рамок партийной жизни и приступит к формированию независимых структур гражданского общества. И это будет содействовать демократизации всей Украины.

Возможный выход из кризиса при помощи реформы

Я вставил этот раздел в статью об «оранжевой революции», потому что **конституционная реформа – хоть и незаконнорожденное, но все же дитя этой самой «революции»**. Еще раз напомним: законы о конституционных реформах были приняты (проект № 4180 окончательно, а проект № 3207-1 в первом чтении) в едином пакете с изменениями избирательного законодательства, без которых успех «оранжевой революции» вряд ли был бы возможен.

Эти две темы связаны между собой еще и потому, что при помощи политической реформы можно было бы преодолеть политический кризис в Украине безо всяких революций и чего-либо подобного. В то же время победа «оранжевых», если она не будет сопровождаться претворением в жизнь политической реформы, может кризис власти только усугубить.

Сразу оговорюсь, я понимаю под политической реформой не только трансформацию президентской республики в парламентско-президентскую, но и реформу местного самоуправления, административно-территориальную реформу с укреплением регионов и расширением их прав, реформу судебной системы. Начнем, однако, с той части реформы, которая уже утверждена парламентом, – с закона о конституционных изменениях № 4180. Закон этот явно несовершенен, однако и он позволил бы решить многие проблемы, порождающие кризис.

Обсудим с этой точки зрения первую и, возможно, главную причину нынешнего кризиса – наличие в Украине номенклатурно-олигархического режима с решающей ролью олигархов. Почему большинство крупнейших финансово-промышленных структур сгруппировались в 90-е годы именно вокруг президентской вертикали? Личные качества Леонида Кучмы здесь ни при чем, и события, последовавшие сразу же после «оранжевой революции», тому подтверждение. Не успел победить Ющенко, как его радикальные оппоненты из донецкого и днепропетровского кланов тут же бросились искать взаимопонимания с ним. Их заставляют это делать интересы бизнеса. Ведь по ныне действующей конституции президент назначает премьер-министра с согласия парламента, а снимать его может без такого согласия, чем Кучма и пользовался чуть ли не ежегодно. Глава правительства должен был понравиться прежде всего президенту, и партийная поддержка ему была не нужна. Оказывать давление на власть через партийные структуры бизнес-группам практически бессмысленно – партии реальной властью пока не располагают. А поэтому партии бизнесу не нужны. Ему надо, как уже сказано выше, пытаться приблизиться вплотную к самому президенту.

Без финансовой поддержки бизнес-элит партии захиреют, тем более что и на общественную поддержку они, не имея возможности влиять на формирование правительства, рассчитывать не могут. Получается, что особой заинтересованности в формировании сильных партий нет ни у кого. Потому и нет у нас сильных партий, представляющих интересы значительной части общества. Соответственно нет и многопартийной демократии, а другой формы демократии современный мир не знает.

Впрочем, формально зарегистрированных партий в стране множество. Реальной же общественной поддержкой располагали лишь политические структуры, возникшие еще до обретения страной независимости, – коммунисты и Народный Рух Украины. Со временем, однако, и эти две политические силы стали терять сторонников. Сначала ослабили позиции «Руха» (не случайно: ведь его основная цель – обретение страной независимости – уже достигнута), а на последних выборах «рухнули» и коммунисты (новые условия жизни требуют от левых новых решений, а советские, по существу, коммунисты оказались к ним не готовы).

Чтобы была заинтересованность вкладывать в партийное строительство силы и средства (причем немалые), партии должны иметь право и реальные шансы формировать исполнительную власть. Такое право и такие шансы дает политическая реформа. Уже одного этого достаточно, для того чтобы оправдать переход к системе, при которой правительство формируется победившими на выборах партиями.

Президент в случае реализации политреформы будет лишен возможности серьезно влиять на экономику страны и формирование единой вертикали власти, то есть не будет больше «президентского админресурса». Очевидно, у бизнес-элиты в этом случае исчезнет всякое желание «вертеться» вокруг главы государства, одаривать, покупать его самого и его ближайшее окружение. Сохранение номенклатурно-олигархического режима при последовательном проведении политической реформы просто невозможно.

Что касается второй из упомянутых выше причин кризиса (нелегитимность власти и отсутствие адекватного представительства среднего класса), то и эта проблема может быть решена при помощи политической реформы, но лишь частично. Конечно, крупный бизнес будет пытаться навязать свою волю партиям, в которые будет вкладывать средства. Но в-первых, **участвуя в работе разных партий, олигархи будут конкурировать друг с другом, а значит, единой олигархической системы не будет, и общее давление крупного капитала на средний класс уменьшится.** Во-вторых, стремясь к тому, чтобы его партия участвовала в формировании правительства, олигарх должен быть заинтересован в получении максимума голосов на парламентских выборах и, следовательно, должен постоянно учитывать интересы тех широких слоев общества, позицию которых партия взялась защищать. Кратковременные интересы олигархов хотя и не могут совсем не учитываться, но все же будут отодвинуты на второй план ради достижения стратегических целей партии. **Формирование любой партийной стратегии невозможно без активного участия представителей среднего класса, а левые партии не смогут рассчитывать на победу, не учитывая реальных интересов тех социальных слоев населения, чей уровень жизни ниже среднего.** Как свидетельствует опыт европейских стран, роль крупного капитала в партийных делах весьма значительна, но все же не решающая. Во всяком случае интеллектуалы, а не сами бизнесмены, как правило, представляют партии в европейских парламентах. В то же время нельзя не согласиться с теми западными политологами, которые полагают, что «быстрый переход к парламентаризму без одновременного принятия эффективных мер, направленных на повышение партийной дисциплины, может оказаться проблематичным».¹⁰ Учитывая это обстоятельство, следует, по-видимому, согласиться (как с временной мерой!) с той нормой закона № 4180, которая запрещает депутатам переходить из одной фракции в другую, хотя такая норма и противоречит традициям развитых демократических стран. Очевидно, что существует опасность внутрипартийного диктата со стороны партийных лидеров, и эту опасность нужно максимально ограничить, предоставив, например, региональным парторганизациям право самостоятельно выдвигать своих кандидатов в проходную часть предвыборных партийных списков. Очевидно также и то, что часть представителей среднего и относительно крупного бизнеса будет недовольна политической реформой, поскольку лишается права проходить в Верховную раду по мажоритарным округам. Но эти обстоятельства не должны затенять тот факт, что в целом роль среднего класса при переходе к парламентско-президентской республике существенно возрастет. И выиграет от этого все общество, потому что, по мнению многих социологов, парламентская система в принципе является более демократической, чем президентская. **«Не случайно большая часть стабильных демократических**

¹⁰ См.: Скотт Мейнуоринг, Мэтью Шугарт, Хуан Линц. Президентизм и демократия: критический анализ// Ойкумена: Альманах. – Вып.1. – Харьков: Константа, 2003.

государств мира является парламентскими республиками, – пишет профессор Джорджаунского университета Артуро Валенсуэла. – Соединенные Штаты представляют собой единственный пример президентской системы, успешно функционирующей на протяжении нескольких поколений». ¹¹ Причем некоторые исследователи полагают, что демократия в США оказалась успешной не благодаря, а вопреки существованию президентской системы правления. ¹² Все сказанное не означает, конечно, что парламентская система не имеет недостатков. Над ее совершенствованием необходимо постоянно работать (например, добиваясь, во избежание возможной «правительственной чехарды», законодательного закрепления конструктивного вотума недоверия правительству), но двигаться нужно именно в этом направлении.

Может помочь политическая реформа и устранению третьей причины сегодняшнего политического **конфликта** – той, что связана с цивилизационной трещиной, пересекающей по диагонали всю Украину.

«Принцип президентской власти исходит из предположения, что население страны естественным образом разделяется на два крупных блока, каждый из которых стремится обеспечить своему кандидату большинство», – пишет Артуро Валенсуэла. В условиях Украины, страны с цивилизационным разломом, подобное деление надвое, естественно, должно будет проходить вдоль уже образовавшейся трещины. Так и было, когда в борьбе за президентское кресло Леонид Кравчук, опираясь на восточную Украину, конкурировал с «западным» Вячеславом Чорновилом и когда два года спустя Леонид Кучма противостоял уже действующему президенту Кравчуку. Проявилась эта же линия разлома и во время последних президентских выборов. То, что Запад на сей раз победил Восток, сути дела не меняет. Произошло это благодаря некоторым особенностям нынешней избирательной кампании и тому, что часть Левобережной Украины (так называемый восточный центр) к этому времени была украинизирована и связь Сумской, Черниговской и Полтавской областей с крестьянским центром страны оказалась более прочной, чем ориентация на ценности индустриального Востока. Иными словами, трещина сейчас проходит не по Днепру, а по Северскому Донцу, но она очевидно есть. И президентские выборы жестко противопоставили тех, кто живет на юго-востоке, тем, кто живет на западе и в центре страны, разделив народ надвое.

Проблема заключается еще и в том, что **победивший на выборах претендент легко поддается искушению провозгласить себя единственным представителем всего народа**. Новый президент начинает зачастую завышенно оценивать свою миссию, порой забывая о том, что победил он с относительно небольшим преимуществом. ¹³ Так и произошло на сей раз в Украине. Виктор Ющенко победил в очень сложной борьбе и лишь в третьем туре, получив 52 % голосов избирателей. Но из уст победителей постоянно звучат слова о всенародной поддержке, о том, что «оранжевых» поддержал весь народ и т. п. Что касается профессиональных политиков, то они у нас быстро перестраиваются и ради личной карьеры и интересов бизнеса уже сейчас готовы поддержать новую власть. Однако разбуженные выборами граждане юго-востока не так легко воспринимают свое поражение. Поэтому можно ожидать, что рана-трещина в отношениях Востока и Запада скоро не зарубцует и, возможно, будет углубляться. Что, несомненно, помешает формированию единой политической и гражданской украинской нации.

¹¹ См.: А. Валенсуэла. Латинская Америка: кризис президентства// Век XX и мир – 1994. – № 7–8. – С. 79).

¹² См.: Fred W. Riggs. International Political Science Review. 1988, № 9).

¹³ См.: Juan J. Linz. «Presidential or Parliamentary Democracy: Does It Make a Difference» in «The Crisis of Presidential Democracy: The Latin American Evidence». Baltimore: The John Hopkins University Press, 1994, p. 19).

Во время проходивших у нас парламентских выборов ничего подобного не было. Соревнующиеся друг с другом партии, пусть пока и очень слабые, выдвигали на первый план проблемы, с цивилизационной трещиной почти не связанные, а потому **противостояния восток – запад во время парламентских выборов не было**. Вероятней всего, **такого противостояния и не может быть в парламентско-президентской республике**, где общество будет делиться вокруг шести, семи или десяти наиболее влиятельных партий, ни одна из которых не рискнет делить всю страну только на своих и чужих. Это еще один аргумент в пользу политической реформы.

Влияние внешних факторов

До сих пор мы говорили главным образом о внутренних причинах политического кризиса. Но в событиях последних месяцев 2004 года важную роль сыграли и внешние факторы. Поддерживая разных кандидатов на пост президента Украины, негласно соревновались друг с другом Запад и Россия.

Россия впервые за всю историю взаимоотношений между двумя государствами отнеслась к происходящим в Украине событиям всерьез. Лидеры российского государства открыто поддерживали одного кандидата – Виктора Януковича. Правда, напрямую заявлений в поддержку Януковича именно как кандидата в президенты Путин не делал, но ряд его публичных высказываний, восхваляющих деятельность Януковича как премьер-министра, не оставлял никаких сомнений в том, какой выбор нужен российской власти. Ради поддержки Януковича российский президент приехал в Украину незадолго до первого тура выборов и выступил по украинскому телевидению. По сути, Путин пытался поддержать Януковича своим авторитетом, весьма высоким и в Украине (по данным социологов, у Путина рейтинг в Украине выше, чем у любого ныне действующего политика не только стран СНГ, но и всего мира). «Мы примем любое решение украинского народа, но хотели бы рассчитывать на то, что будет сохранена преемственность в будущем», – заявлял Владимир Путин, прозрачно намекая на желательность сохранения нынешней власти.

Такая позиция президента России по отношению к украинским выборам вытекает из его курса на создание единого экономического пространства России, Украины, Белоруссии и Казахстана (ЕЭП) с общим руководящим и координирующим органом. При принятии решений, обязательных для стран ЕЭП, голоса в этом органе должны будут распределяться в соответствии с экономическим потенциалом каждой из четырех стран. Поскольку экономический потенциал России намного больше суммарного потенциала остальных трех стран, решающая роль в управлении ЕЭП должна принадлежать именно ей. Вряд ли кто-то сомневается в том, что, втягиваясь в общее экономическое и, соответственно, правовое пространство, страны-участницы должны будут подумать и о создании единого политического пространства, что вполне устраивает Россию и Путина. К такой интеграции готов (по крайней мере, на словах) Виктор Янукович, но не готов Виктор Ющенко, откровенно сориентированный на сближение со странами Запада, на союз не только с Европой, но и с США. Российский клуб, созданный и активно работающий в Украине под патронатом российского посольства, незадолго до украинских выборов, в своем меморандуме опубликовал следующее: «Виктор Ющенко – антироссийский и прозападный политик... Виктор Ющенко – это угроза разрушения существующих договоренностей... Виктор Ющенко – это путь к расколу Украины... Виктор Ющенко – нерешительный и несамостоятельный политик... Виктор Ющенко – это политик старой формации» и т. д.

Очевидно, что участие России в украинской избирательной кампании не ограничивалось подобными меморандумами. Накануне выборов Москва пошла на очень серьезные экономические уступки Украине. Она, в частности, отказалась от выплат в свою казну налога на добавленную стоимость на импортируемые в Украину энергоресурсы, что обойдется ей ежегодно в 700–800 млн. долларов. Существенно выросли в 2004 году товарооборот России с Украиной (причем как импорт, так и экспорт) и российские инвестиции в украинскую экономику (в том числе и в машиностроение, которое особенно в них нуждается). Иными словами, Россия поддержала Януковича не только словом, но и делом. Финансово-экономическая поддержка России дала Януковичу возможность дополнительно освободить часть бюджетных средств для реализации социальных программ.

Тем не менее Россия проиграла. Решающую роль сыграли те факторы внутренней жизни Украины, о которых шла речь выше, а кроме того, россияне никогда не имели хорошо продуманной стратегии в отношении Украины (знаю это не понаслышке) и действовали в традициях советских времен – прежде всего на уровне личных и официальных контактов номенклатуры двух стран. Не было в Москве понимания того, что Украина объективно не заинтересована в возвращении назад – к союзным отношениям с богатой нефтью и газом, но политически слаборазвитой, авторитарной Россией. Даже если в ближайшее время такие отношения могут принести Украине определенные выгоды. И пусть сегодня Украину в Европе не ждут, евроинтеграция как стратегическая цель здесь уже определена. И дожидаться, когда в демократическую Европу будут готовы войти такие авторитарные государства, как Россия, Казахстан и тем более Белоруссия, только для того чтобы шествовать туда вместе, украинцам нет смысла. В этом вопросе позиция Ющенко больше отвечала объективным интересам Украины, чем позиция Януковича.

Запад потратил на предвыборную кампанию своего кандидата Виктора Ющенко (а то, что он был заинтересован именно в нем, нет никаких сомнений), думаю, на порядок меньше средств, чем Россия, но добился гораздо большего.

Позиции Западной Европы и США в вопросе украинских выборов-2004 в основном совпадали. И европейцы, и американцы хотели бы видеть в кресле президента Украины только Виктора Ющенко, но при этом постоянно твердили о своей непредвзятости. Они, мол, хотят только одного – чтобы выборы в Украине были честными и прозрачными. Тактика была выбрана верно. Номенклатурно-олигархический режим контролировал основную часть электронных массмедиа, которые обслуживали власть и ее кандидата (газеты и журналы были относительно свободными). Поэтому, делая акцент на необходимости соблюдения свободы слова и борьбы с коррупцией, пытаясь морально и материально поддержать оппозиционные средства массовой информации, Запад объективно работал против пропаганды кандидата от власти и в то же время как бы оставался в рамках общей программы содействия демократии. Украинские журналисты, недовольные ограничением их возможности критически оценивать ситуацию, естественно, приветствовали такую политику Запада (кто тайно, а кто и явно).

В такой, внешне привлекательной и, как вскоре выяснилось, эффективной позиции Запада были свои изъяны, так сказать, «морально-правового» характера.

Во-первых, ударение, сделанное на проблеме свободы слова, невольно отвлекало внимание украинских граждан от важнейших сегодня (по данным практически всех социологических опросов) экономических и социальных проблем. Позитивы, которые, несомненно, были достигнуты государством в этой области, уходили в тень, что существенно ослабляло эффект предвыборных действий премьер-министра Януковича. Объективной информации о социально-экономических успехах правительства оппозиционные СМИ не давали, и Запад закрывал на это глаза. Даже повышение Януковичем минимальной пенсии – шаг очевидно положительный, поскольку существенно улучшал материальное положение миллионов людей, – оппозиция восприняла в штыки, а Запад поддержал такую линию оппозиции.

Во-вторых, обыгрывая тему коррупции в Украине, западные политики и журналисты пытались создать впечатление, что в коррупции замешана только власть, откровенно игнорируя тот факт, что немало подозреваемых в коррупции людей есть и в стане оппозиции (та же Юлия Тимошенко, например).

В-третьих, формально поддерживая идею свободы слова и равных возможностей для всех, Запад оказывал максимальную поддержку (прежде всего материальную) главным образом правой оппозиции, гораздо в меньшей степени – социалистической оппозиции Алек-

сандра Мороза и совсем не помогал компартии. Что явно не соответствовало публичным декларациям о равенстве возможностей всех кандидатов.

Наконец, поддерживая на словах демократизацию Украины, Запад реально всегда был на стороне Ющенко, несмотря на откровенный национализм и антидемократизм влиятельной части его окружения. Западные политики никогда не высказывались в поддержку политической реформы, которая могла бы ограничить в будущем полномочия нужного им кандидата, и при любом удобном случае выступали против нее.

Особенно активной в своем противодействии политической реформе была г-жа Северинсен, контролирующая выполнение Украиной своих обязательств перед Советом Европы (СЕ). Она, например, никогда не обсуждала с представителями организаций русской культуры и других национальных организаций вопрос о ратификации Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств, хотя такая ратификация была обязательным требованием СЕ к Украине. Она совершенно не реагировала на тот факт, что хартия была ратифицирована еще в мае 2003 года, а документ о ратификации не передавали в ПАСЕ до конца 2004 года (не знаю, передан ли он сейчас). И это не удивительно, потому что против ратификации хартии выступали как раз те, кого Северинсен всегда поддерживала, – Ющенко и его окружение. Избегая обсуждения вопроса о ратификации хартии, который она обязана была обсуждать, представительница ПАСЕ одновременно, явно превышая свои полномочия и вмешиваясь в наши внутренние дела, настаивала на том, чтобы Украина не проводила политическую реформу в год президентских выборов. Поддержка со стороны Северинсен и СЕ существенно влияла на позицию Ющенко и «Нашей Украины», которая постоянно самым грубым образом срывала процесс голосования по политреформе. Хотелось бы заметить, что поведение г-жи Северинсен – выразительный, но далеко не единственный пример политики двойных стандартов, постоянно используемых Западом в своих отношениях с Украиной.

США оказывали Ющенко значительно более активную поддержку, чем Европа. Более того, есть основания предполагать, что именно в Америке разрабатывались конкретные планы приведения Ющенко к власти в Украине. Это была непростая задача – свержение политического режима, при котором страна вышла из экономического кризиса и ежегодно рекордными темпами наращивала производство ВВП. Успех можно было обеспечить, только представляя общую картину исключительно в черно-белых цветах, хотя на самом деле она была достаточно разноцветной. Понятно, что в черный цвет нужно было выкрасить Кучму и его команду. Леонид Кучма, несомненно, был далеко не идеальным политиком, но он все же сдал страну своему преемнику в гораздо лучшем состоянии, чем получил ее десять лет назад.

Массивная дискредитация Кучмы и его окружения началась с опубликования фрагментов так называемых пленок Мельниченко и обвинения президента в убийстве журналиста Георгия Гонгадзе. Свои первые интервью Мельниченко давал исключительно украинской редакции американского радио «Свобода», которой руководил тогда Роман Купчинский, влиятельный американский украинец, имеющий тесные связи в высших эшелонах прежде всего Демократической партии США, в кругах, связанных со Збигневом Бжезинским. Не без его, вероятно, помощи экс-майор Мельниченко и вдова Гонгадзе получили политическое убежище в Америке.

Разумеется, это только одна из версий, но на основании своего эмигрантского опыта могу предположить, что план содействия правой оппозиции и объединения ее с соцпартией Мороза разрабатывался и поддерживался в Америке. Не правительством США, а влиятельными людьми, включенных в такую примерно цепочку: «ястребы» в руководстве Демократической партии, в целом довольно либеральной, – влиятельная часть украинской и польской диаспор в Америке – лобби демократов в Госдепартаменте и спецслужбах – обычно

поддерживающий эту же партию крупнейший профсоюз АФТ-КПП – тесно связанный с этим профсоюзом «Дом свободы», организация, которая спонсирует проекты в поддержку демократии по всему миру.

Хочу обратить внимание на то, что руководит «Домом свободы» Адриан Каратницкий, в прошлом близкий друг и младший партнер упомянутого выше Романа Купчинского, а также на то, что первую попытку привлечь на сторону США и оторвать от России Леонида Кучму сделал еще в 1994 году именно «Дом свободы». А почетную награду «Дома свободы» Кучме вручал не кто иной, как все тот же Збигнев Бжезинский. И еще напомним: совсем недавно предложила наградить Виктора Ющенко Нобелевской премией мира Хиллари Клинтон, член руководства как раз Демократической партии США. Повторяю: это только версия, но в 80-е годы цепочка, о которой идет речь, работала достаточно эффективно. Другое дело, что тогда ее деятельность могла быть оправдана тем, что тоталитарный режим в СССР не позволял надеяться на его легальную трансформацию, тогда как сегодня демократизировать Украину при помощи легитимной политической реформы можно гораздо проще, чем при помощи всякого рода революций. Но это уже вопрос моральной ответственности действующих лиц этой драмы.

А теперь не версия – факты. «Дом свободы» и ряд других американских и европейских фондов поддержки демократии и открытого общества финансировали в Украине главным образом те политологические, социологические и медийные проекты, которые преимущественно работали на Ющенко. Достаточно сказать, что директор Института политики, спонсируемого этими фондами, Микола Томенко был главным организатором «оранжевых акций» на Майдане (теперь он вице-премьер по гуманитарным вопросам), а президент Украинского центра экономических и политических исследований, также получающего серьезные подпитки из-за рубежа, Анатолий Гриценко руководил аналитическим штабом в команде Ющенко (теперь он министр обороны). Именно Институт Гриценко был одним из двух центров, проводивших так называемый национальный экзит-полл. Гриценко первым, сразу после завершения второго тура, объявил, что Ющенко победил с перевесом в 11 %. Эта цифра никогда потом не была подтверждена (как не подтвердились и 15 % преимущества Ющенко в третьем туре, объявленные тем же Гриценко). Но именно эти 11 % появились в качестве важнейшего лозунга на Майдане уже вечером 21 ноября, когда реальные результаты еще никому не могли быть известны. С этой цифры все и началось. Мы, мол, победили с большим перевесом, а у нас хотят украсть победу. Не позволим!

Вряд ли все происходящее в те дни на Майдане было спонтанным, вряд ли идея разыграть действие как большую «оранжевую» PR-кампанию (очень удачная, надо сказать, идея) возникла сама по себе. Думаю, все это было частью единого плана, разрабатываемого в течение довольно продолжительного времени (скорее всего, в течение нескольких лет). И не так уж важно, разрабатывался этот план политтехнологами где-то в США или же его готовили (при активной американской и европейской поддержке) наши отечественные специалисты. В любом случае план этот был успешно реализован – с точки зрения его авторов, разумеется.

Заключение

Наиболее активный период «оранжевой революции». Виктор Ющенко провозглашен президентом Украины. По жалобам сторон вынесены решения Верховным судом и, хотя объективность рассмотрения дел вызывает сомнения, эти решения как решения высшей судебной инстанции Украины нельзя не признать. Но независимо от судебных решений поражение партий власти можно считать вполне обоснованным. Правящая до сих пор политическая элита себя полностью дискредитировала. Выразительным финалом ее поражения служит капитулянтское поведение депутатов вчерашних «партий власти», которые тут же побросали свои фракции и дружно побежали занимать тепленькие места в парламентском «болоте», поближе к своим недавним оппонентам. Видно, очень глубоко «мазепинский» дух проник в сознание нашей политической верхушки (элитой ее назвать – язык не поворачивается): за кандидатуру Юлии Тимошенко, одного из наиболее радикальных и одиозных лидеров «оранжевых», парламент проголосовал почти полным составом (исключение – коммунисты).

В каком же направлении могут развиваться события в Украине в ближайшее время?

Очевидно, возможны различные варианты развития политических событий в Украине. Наиболее благоприятный из них, на мой взгляд, следующий. Радикальных (или революционных) изменений не будет. Вчерашний админресурс приказал долго жить, а новый до парламентских выборов в марте 2006 года создать, возможно, и не успеют. Не потому, что времени не хватит (быстро строиться в ряды и шеренги у нас умеют, приучены), а потому, что Виктору Ющенко, по крайней мере в начале его президентства, нужно будет демонстрировать своим сторонникам в Украине и на Западе новый, более либеральный стиль руководства страной. Если не будет жесткой цензуры, люстраций, масштабного перераспределения собственности и т. п., март 2006 года определит совсем новую расстановку политических сил в стране. Вероятней всего, в этом случае в парламент пройдут около 10 партий и блоков, но ни один этих блоков не сможет получить более 50 % депутатских мест. И тогда несколько партий создадут лево– или правоцентристское коалиционное правительство, которое без особой демагогии и популизма и будет заниматься решением насущных проблем общества и дальнейшим продвижением реформ. Этот вариант был бы вполне возможен, если бы вчерашние центристские партии вдруг не капитулировали. Но поскольку это все же произошло и они мгновенно сдали свои позиции, на общественное доверие старым партиям так называемого центра рассчитывать не приходится. Создать же совсем новые и в то же время сильные партии за столь короткий период (несколько месяцев) будет очень трудно.

Второй вариант – допускаю, что не менее реальный. Капитуляция вчерашних противников не только ослабляет партии центра, но и придает уверенности «оранжевым» победителям, которые будут вести себя довольно жестко, цензурируя мало-мальски критически настроенные массмедиа и постоянно угрожая компроматом левобережному крупному капиталу, с тем чтобы не допустить формирования сильной оппозиции против новой власти. Если эта власть к тому же получит финансовую поддержку Запада и ей удастся реализовать в ближайшие полгода – год несколько популярных социальных программ, то она в следующем марте сможет получить более 50 % всех парламентских мандатов. Тогда в Украине будет «оранжевый» президент и «оранжевое» правительство. Это, несмотря на реализацию политической реформы, создаст ситуацию, подобную той, что уже есть в России. И Ющенко станет украинским Путиным. Его лично такой вариант наверняка устроит, но вряд ли он полезен Украине.

Третий сценарий. Создававшаяся в экстремальных условиях, когда необходима была консолидация всех, даже самых разнородных оппозиционных сил, «оранжевая» коалиция обязательно начнет давать трещины (это уже происходит). Не исключено, что чем ближе к

парламентским выборам, тем глубже будут эти трещины, и в конце концов коалиция распадется. На выборы все будут идти отдельными колоннами, и тогда ситуация на выборах в 2006 году будет приблизительно такой же, как и при реализации первого варианта.

Есть и четвертый вариант. Юлия Тимошенко проявляет чрезмерную активность, постоянно занимается популистской демагогией и каждый раз в случае критики в свой адрес обращается непосредственно к массам. В том, что касается воздействия на публику, Юлия Владимировна даст сто очков вперед Виктору Андреевичу, а потому, вполне вероятно, она скоро сумеет оттеснить президента Ющенко на второй план. Встав во главе партийного (или блокового) списка в марте 2006 года, именно она станет победительницей на выборах и опять возглавит правительство, но уже с гораздо более широкими, чем сегодня, полномочиями. В этом случае реформа, в принципе нацеленная на демократизацию страны, может сыграть с нами злую шутку. Премьер-министр Юлия Тимошенко, дама с неограниченными амбициями, захватив важнейшие рычаги власти, может попробовать установить в стране украинский вариант «хустициализма» – системы, которую в 50-е годы прошлого века утвердили в Аргентине Хуан Перон и его жена Эвита, столь похожая на «газовую принцессу», «королеву Майдана», а теперь премьер-министра Украины. Не дай Бог, конечно. Хочу верить, что этот вариант все же не пройдет, и надеюсь при этом не столько на возможную новую политическую оппозицию (да и будет ли такая?), сколько на трезвомыслящих людей в «Нашей Украине». А они там есть.

И еще надеюсь на то, что граждане Украины, пробудившиеся к политической активности (как на западе, так и на востоке страны), в эти несколько месяцев «оранжевой революции», почувствовав вкус общественной жизни, уже не замкнутся в одиночестве своих квартир, а начнут самостоятельно, то есть по инициативе снизу, формировать гражданское общество.

«Оранжевая революция» – пример революции глобального сообщества

Сергей МАРКОВ,

директор Института политических исследований (Москва)

Идеология «оранжевой революции»

Идеология сыграла важнейшую роль в «оранжевой революции». Эта идеология вывела на заснеженные ветреные улицы сотни тысяч людей и бросила их на блокаду основных правительственных зданий. Что же это за идеология? Я бы реконструировал ее примерно так.

Главная причина, почему населению Украины живет так трудно, – преступная власть режима Кучмы. Эта преступность выражается в нескольких фактах: власть принадлежит олигархам; криминалитет сросся с властью; власть контролирует СМИ и правляется с неудобными журналистами. Власть непопулярна, она может удержаться только путем фальсификаций. Она готовится к массовым фальсификациям на выборах.

Виктор Ющенко – моральный и политический лидер нации, он, безусловно, победит на честных выборах. Если избирательная комиссия опубликует другие результаты, это означает, что выборы сфальсифицированы. Тогда народ имеет право выйти на улицы и свергнуть преступную власть мирными средствами, путем давления.

Украина нуждается в обновлении. Целью и камертоном этого обновления должно стать вступление в Европу по модели Польши и других восточноевропейских стран. Зависимость от России мешает Украине развиваться, поэтому эта зависимость должна быть уменьшена. Национальная идея – вступление в ЕС и, как шаг к этому, – в НАТО. Во внутренней политике главное – честность государственных деятелей, то есть борьба с коррупцией. Необходимы решительные реформы, проводимые в тесном сотрудничестве со стратегическими союзниками – США и ЕС.

Лидер нации – Виктор Ющенко – народный президент, в отличие от Леонида Кучмы, который был президентом «власти против народа»; он не разделяет народ, а объединяет всю Украину. Украина не разделена на Восток и Запад, этот тезис – происки врагов Украины, которые хотят расколоть ее; никаких проблем с русским языком не существует; федералистские идеи – это просто сепаратизм и преступление против Украины.

«Оранжевая революция» – многосоставный политический процесс

События конца 2004 года стали важнейшими событиями 2004 года в мировой политике. «Оранжевая революция», как и другие крупные события, – результат не одного политического процесса, она включает в себя несколько элементов. Сложение нескольких важных политических процессов и создает ее масштабность. Можно выделить в ней несколько важнейших и относительно самостоятельных событий. Я говорю об относительной самостоятельности в том смысле, что эти события могли развиваться не вместе, а отдельно. Каждое из них представляет собой как бы отдельный кубик, из таких кубиков, как в детской игре, история составляет свои оригинальные конструкции. История не предопределена, она создается, она может быть разной. «Оранжевая революция» – конгломерат нескольких важных событий, которые сложились так, как сложились. Могли и по-другому. Так что это было? В рамках революции одновременно произошли пять политических процессов:

- 1) массовый протест против криминально-олигархического режима;
- 2) политтехнологический проект современной революции – революции НПО;
- 3) геополитический проект;
- 4) молодежная революция, «оранжевый фестиваль», самоопределение нового поколения;
- 5) политическая консолидация половины украинской нации.

Массовый антиолигархический протест был вызван несколькими факторами: несправедливостью приватизации, захватом крупных кусков собственности коррумпированными бизнесменами и чиновниками. Символами таких олигархических групп стали и президент Леонид Кучма, чей гражданский зять Виктор Пинчук является одним из самых богатых людей страны; и глава администрации президента Виктор Медведчук, также один из богатейших людей страны, контролирующий при этом основные телеканалы, и, как многие считали, главный создатель политтехнологического проекта «Анти-Ющенко»; и сам Виктор Янукович, один из лидеров донбасской финансово-промышленной и политической группировки, возможно, самой богатой в стране.

Кроме того, Виктор Янукович стал и символом криминализации Украины. Он представляет донецкую группировку, которая в сознании многих прямо ассоциируется с криминалитетом – и в лице ее бизнес-лидера Рината Ахметова, и ввиду криминальных методов, включая убийства людей, которые, как считается, активно использовались донецкой группировкой для захвата собственности и власти. Слово «донецкие» в Украине стало почти синонимом слова «бандитские». Сам Янукович к тому же в своей биографии имел две судимости. И при этом он не похож на раскаявшегося грешника, которому можно было бы простить ошибки в прошлом ввиду неподкупности в настоящем. Нет, в настоящем Виктор Янукович – один из лидеров той донецкой группировки, которая использовала сомнительные методы в борьбе с конкурентами, а после того как Янукович стал премьер-министром, она с огромной энергией и напором стала осуществлять бизнес-агрессию в другие регионы Украины.

Миллионы граждан не хотели даже читать программу Януковича, они были оскорблены самым фактом, что правящая элита предлагает им голосовать за человека с двумя судимостями как за будущего президента их страны. Поэтому одним из главных лозунгов революции стало требование «зек не будет президентом Украины!». Рядом стоял лозунг о преступности власти, тесно связанный с лозунгом о преступном режиме Кучмы, которого обвиняли не только во всеобщей коррупции, разгуле преступности, но и в участии в убийстве журналиста Гонгадзе, а также подозревали в подготовке ликвидации лидера оппозиции Виктора Ющенко. Эти обвинения очень хорошо сочетались с внезапной болезнью Ющенко,

наступившей, по уверению его самого и его сторонников, в результате отравления, организованного властью.

Моральный протест против криминально-олигархического режима был обращен и против ТВ, основные каналы которого строго контролировались властью. Подконтрольное ТВ вело жесткую пропаганду в советском стиле. В результате эффект этой пропаганды оказался скорее обратным: люди перестали доверять провластному ТВ, их неприятие власти усилилось и ввиду сформировавшегося мнения о ее лживости.

Если добавить к этому повсеместную уверенность и активное обсуждение использования властью так называемого административного ресурса на выборах (то есть различных форм фальсификаций и административного давления на кандидатов, их сторонников, финансовые источники и СМИ), то результатом стала убежденность огромного большинства людей в том, что лживая власть, представители правящего режима, символами которого стали действующий президент Кучма и кандидат Янукович, обязательно будет фальсифицировать выборы. В частности, это подтверждает социология. Убежденность в том, что власти готовят массированную фальсификацию, создала предпосылки не только для массового протеста, но и сформировала идеологию будущей революции.

Массовое участие в акциях протеста было неожиданным для самих организаторов «оранжевой революции», тем более оно было неожиданным для правящих кругов. Сами организаторы признавались, что не ожидали такого количества протестующих демонстрантов. Оценки количества демонстрантов в Киеве разные, но, видимо, в кульминационные моменты их, безусловно, было более 150 тысяч – они заняли весь огромный Майдан и большую часть Крещатика. Власть готовилась к разгону демонстрантов как силами милиции, так и силами шахтеров из восточных областей, но – не таких больших демонстраций. Президент Польши Александр Квасьневский утверждает,¹⁴ что руководитель избирательного штаба Януковича Сергей Тигипко говорил ему, что на Киев были готовы двинуться 15 тысяч шахтеров. Стало быть, средние по численности митинги были бы разогнаны милицией или шахтерами, но массового протеста власть не ожидала. Таким образом, именно массовость демонстраций предопределила поражение властей. Главными лозунгами (в вариациях) демонстрантов были: «Ющенко – в президенты!», «Нет фальсификациям выборов!», «Когда мы вместе – мы непобедимы!», «Заклученный не будет президентом Украины!».

Это был и массовый протест против господства олигархии – в Украине высочайший разрыв в уровнях доходов между бедными и богатыми. Это был и моральный протест против проворовавшейся власти – а Виктор Ющенко стал не столько политическим лидером, сколько моральным, смело выступившим против власти, погрязшей в коррупции и неправде. Виктор Янукович с его двумя судимостями и связями с донецкой финансово-промышленной группировкой, в которой, по общему убеждению, очень велика роль организованной преступности, стал в глазах населения символом криминально-олигархического режима, вызывающего ненависть большинства населения.

Идея протеста против криминально-олигархического режима оказалась тесно переплетена с идеей европеизации страны. Эта идея включает в себя и курс на вхождение Украины в Европу в виде членства в ЕС и внутреннюю европеизацию страны: Украина должна избавиться от криминального несправедливого режима, стать нормальной европейской страной, а ее граждане должны, как и граждане других европейских государств, пользоваться всеми благами, которые традиционно связаны с понятием «Европа».

¹⁴ См.: Polityka (Польша), 21 декабря 2004, цитировано по IniСМИ.RU./stories...

Политтехнологический проект

«Оранжевая революция» никогда бы не стала успешной, если бы до этого в течение двух лет не готовилась «каштановая революция». В качестве образца были взяты революция против Слободана Милошевича в Сербии и «революция роз» в Грузии. То есть это был не только спонтанный протест масс, но и хорошо организованный политтехнологический проект. Свое начало он берет в революции против Милошевича, когда на деньги международных НПО типа Фонда Сороса были подготовлены активисты для массовых акций, которые и привели к смене режима в Югославии. Этот положительный опыт сербские и американские политтехнологи активно передавали своим коллегам из стран Восточной Европы на многочисленных семинарах. Молодые активисты из Грузии, Украины и Белоруссии были среди них. Этот опыт и был использован во время событий конца 2004 года.

Их организаторы использовали также опыт проведения трех массовых акций. Во-первых, акции «Украина без Кучмы!», которая несколько лет назад волнами прокатилась по стране; во-вторых, революции против Милошевича, где выдающуюся роль сыграла студенческая организация «Отпор»; в-третьих, «революции роз» в Грузии, в которой выдающуюся роль в массовых акциях сыграла тоже студенческая организация «Кмара». По их прототипу в Украине была создана студенческая организация «Пора», выступившая зачинщиком массовых акций протеста на Майдане.

Но кроме собственно «Поры» в осуществлении «оранжевой революции» огромную роль сыграла сеть других неправительственных организаций. Можно сказать, что революции в Украине и Грузии открыли новую страницу в теории и практике революций. Это теперь не революции – военные перевороты, как было в XIX веке. Это не революции профессиональных партий, как это было в XX веке. Это революции неправительственных организаций (НПО). Они осуществляются не тайной организацией офицеров, не группой переворотчиков – партийных лидеров, управляющих революцией из ее штаба (примером такого штаба стал Смольный в России). Эти новые НПО-революции готовятся на виду у всех и проводятся не из единого центра, а сетью не управляющихся из единого центра, но единых в идеологии НПО.

Такая сеть во многих странах готовится и развивается с иностранной финансовой и политтехнологической помощью. Можно сказать, что «оранжевая революция» была реализована украинскими филиалами международных сетей НПО. Так делается политика XXI века. **Революция НПО – это революция в век глобализации и информационного общества.** Протестовать против этого бессмысленно. Но каждый, кто хочет принимать активное участие в политике XXI века, должен создавать свои сети НПО, обеспечивать их идеологически, кадрово, финансово и политтехнологически.

Когда мы говорим о финансировании описываемых событий из-за рубежа, это совершенно не значит, что демонстранты, стоявшие на Майдане, получали за это деньги. Нет, люди вышли на Майдан бороться за свою свободу, достоинство, за свой политический выбор. И подвоз питания и теплых вещей демонстрантам осуществлялся не на деньги Вашингтона, а на деньги местного бизнеса. Но организаторы массовых акций были членами тех украинских НПО, которые выросли на грантах не украинских, а американских и европейских фондов и центров. Эти люди вели активную работу по формированию идеологии революции (тогда – «каштановой революции»), по распространению этой идеологии, ее политических идей в массах, по подготовке самих массовых выступлений. Активисты активно пользовались офисами, оргтехникой, коммуникационными ресурсами этих НПО. Члены этих НПО получали постоянные доходы и имели возможность, по сути дела, посвятить свое время деятельности профессиональных политических активистов, профес-

сиональных революционеров. Работа в НПО позволяла им значительно повысить свой социальный статус путем участия в многочисленных международных конференциях и других мероприятиях. Часть СМИ, в том числе такие, как «Украинская правда», тоже смогли стать влиятельными только потому, что они получали массированную помощь по линии поддержки свободы слова.

Этот **геополитический проект** имел ярко выраженную антироссийскую направленность. Из политиков первой категории эту линию наиболее прямо озвучил президент Польши Александр Квасьневский: «Для каждой великой страны Россия без Украины является лучшим решением, чем Россия с Украиной», дальше следует характерный диалог. Корр: Польский тезис? Квасьневский: Нет, американский.¹⁵

После победы в Украине польский и американский президенты не скрывали своей роли в ней. Квасьневский: «Ничего этого не получилось бы без участия США. Без той роли, которую сыграли США, было бы невозможно завершить кризис на Украине... Это успех Украины и украинского народа, но это также наш общий успех». «На меня произвело большое впечатление лидерство господина Квасьневского в том, что касается Украины. Он продемонстрировал замечательное лидерство».¹⁶

В решающий момент политический класс США и стран ЕС объединился в идее отказаться в доверии правительству Кучмы-Януковича и оказать поддержку революции, поддержку политическую, дипломатическую и информационную. Причин активности геополитических противников России в Украине несколько. Во-первых, это традиция «холодной войны», традиция рассматривать отношения с Россией с точки зрения «игры с нулевой суммой»: все, что хорошо для России, плохо для Запада. Во-вторых, это опасение имперского могущества России, которое живет в элитах многих европейских стран уже столетия. В-третьих, это опасение, что Россия может возродиться как недемократическая сверхдержава, альтернативная западной цивилизации.

Этот геополитический проект можно назвать и антироссийским, и польско-американским не только по составу организаторов, но и по геополитическим целям. Польский политический класс очень амбициозен и стремится занять ведущие позиции в ЕС. Но для повышения своего статуса нужна большая общеевропейская задача. Такой задачей польские политики выбрали демократизацию восточноевропейских стран – Украины, Белоруссии, Молдовы – и, таким образом, блокирование влияния России. В этом состоит «доктрина Квасьневского», которую он кратко изложил по итогам разрешения украинского кризиса и под знаменем которой он намерен баллотироваться на ключевую роль в ЕС или НАТО после окончания своего президентского срока. Польша мечтает вернуть Украину под свое влияние. Без Украины и проекта ее европеизации Польша – просто средняя европейская страна, а с Украиной и с большой общеевропейской задачей Польша становится великой европейской державой, равной Франции, Германии и Великобритании.

В этом состоит и американский план – помочь Польше стать страной, чей неформальный авторитет равен авторитету Франции и Германии. Цель – заблокировать формирование единой внешней и оборонной политики ЕС, мотором которой являются именно Франция и Германия. Борьба вокруг Ирака показала, что единая внешняя политика ЕС может очень сильно отличаться от американской. А без нее ЕС останется экономическим и гуманитарным объединением, но так и не сможет сформироваться в субъект мировой политики, что оставляет НАТО главным западным институтом, а его лидера США – главным создателем таковой. Поэтому можно сказать, что **польско-американский «проект Ющенко» – это троянский конь у ворот ЕС.**

¹⁵ См.: Polityka (Польша), 21 декабря 2004, цитировано по IniСМИ. RU./stories.

¹⁶ Революция чести ради своих противников/Коммерсантъ. – 2005. – 11 февраля).

«Оранжевая революция» стала и фестивалем для нового поколения. До нее десять лет молодежь была пассивна, но в ноябре 2004 года студенты отвергли существовавший олигархический режим и ворвались в политику. Это поколение сохранит в себе идеалы революции. Скучному, почти советскому стилю постсоветской бюрократии Кучмы и Януковича новое поколение противопоставило новую эстетику европейского типа. Эти события несут в себе отблески студенческой революции в Париже 1968 года и одновременно мотивы современного антиглобалистского движения. «Оранжевое против серого. Веселое против скучного. Искренность против лжи. Живое против мертвого. Будущее против прошлого. Молодежь против солидных. Европейское против советского», – вот эстетическое кредо «оранжевой революции». Эта новая эстетика встретила не политическую, но эстетическую поддержку и тех, кто политически был склонен поддержать не Ющенко, а программу Януковича.

В ноябре 2004 года произошло становление гражданского общества, **политическая консолидация нации. Но не всей, а только половины.** Все три тура выборов показали, что Украина разделена ровно пополам. Это ставит ряд вопросов:

1. Сможет ли «бело-голубая» часть украинской нации, восток и юг, которые более населены и более экономически развиты, создать свой политический проект развития Украины, выдвинуть популярных лидеров, оформиться политически и организационно?

2. Будет ли запад-центр уважать восток-юг или будет стараться игнорировать и подавлять?

3. Возможна ли «бело-голубая» революция и при каких условиях? Марш шахтеров на Киев не состоялся, но он невозможен или отложен?

На все эти вопросы ответит украинская политика, видимо, к концу парламентских выборов 2006 года.

Социальная база «оранжевой революции»

1. Люди европейской идентичности и демократических убеждений. Это прежде всего вестернизированные Киев и студенты.
2. Радикальные националисты в духе Галиции, многие из которых лелеют сепаратистские планы и хотели бы как-то отделиться от шахтерского русского востока и культурно русского юга. Но большинство хотят сделать из русских украинцев.
3. Умеренный национализм в духе Малороссии; часто это фольклорный сельский национализм, требующий просто уважения к культурным основам народной жизни Малороссии.
4. Мелкий и средний бизнес, который устал от господства олигархии и бюрократии и стремится к европейским правилам игры.
5. Протестный электорат, большей частью левый.

Новые политические формы революции

«Оранжевая революция» создала новые формы политической работы:

1. настоящим хеппенингом стало само стояние – сидение – лежание на Майдане. Сотни тысяч людей ходили на Майдан, как на спектакль. Они с интересом и сочувствием смотрели на происходящее и понемногу участвовали в нем сами;

2. новые, простые формы активизма. Помощь участникам революции могла быть осуществлена простым человеком в очень простых формах: достаточно было принести демонстрантам на площадь горячие пирожки и чай – и ты уже участник революции. Но эта простая поддержка давала участникам моральную инициативу, создавала инерцию победного движения;

3. демократия фронды. Стихийно сложилось так, что выразить свой протест против власти демонстративно стало очень просто: достаточно было повязать оранжевый шарфик или ленточку. Так создавался молчаливый заговор всех против власти;

4. создание альтернативных источников политического действия. Такими формами самостоятельных действий стали кроме обычных для любой революции граффити еще и активность Интернета, захватившая молодое поколение (которое и так было склонно поддерживать Ющенко вопреки командам власти), и комитеты действия в университетах;

5. политическая организация поколения. Выше уже говорилось, что революция стала и фестивалем нового поколения в политике.

Сравнение «оранжевых» событий и классических «бархатных» антикоммунистических революций

Общее:

1) Украина в свое время не переживала «бархатной революции», которые произошли в Польше, Чехии, Венгрии, да и в России 1991 года. Независимость досталась Украине почти случайно, в результате революции 1991 года в России и распада советской государственности. Так что традиционная повестка дня «бархатных революций» – разрыв с советским прошлым, разрыв с Россией, формирование курса на интеграцию в Европу, национальное самоопределение – все это оставалось актуальным;

2) идейно во многом напоминает «бархатные»: демократия, свобода, достоинство личности, европейская идентичность, антирусская направленность;

3) мирный характер революции: акции гражданского неповиновения, массовые демонстрации;

4) часть элиты еще до революции, а многие прямо в ее ходе переметнулись на сторону революции.

Отличия:

1) «оранжевая революция» противостояла не диктатуре. Режим Кучмы был довольно свободным, он не использовал политических репрессий, не было политических заключенных, никакой ужасной тайной полиции, а руководство СБУ, напротив, переметнулось на сторону Ющенко. Оппозиция имела не только свои газеты, но и два телеканала, правда, не очень мощных. Но еще бы они контролировали основные телеканалы и говорили про революцию! Были полностью открыты границы, Украина имела традицию нескольких туров в общем-то свободных и конкурентных выборов, а оппозиция – крупнейшую фракцию в парламенте;

2) в Украине не было правящей партии, против которой монополизировался бы протест;

3) во главе оппозиции стояла не контрэлита, а группа бывших министров (и два премьер-министра), уволенных раньше, но плоть от плоти режима Леонида Кравчука – Леонида Кучмы;

4) определенный уровень свободы СМИ: Интернет, многочисленные газеты, два телеканала;

5) полная свобода деятельности иностранных организаций, а они, как уже говорилось выше, играют выдающуюся роль в революциях нового типа – революциях НПО;

6) Украина не была под советской оккупацией, поэтому у революции не могло быть национально-освободительной идеологии. Уже 17 лет Украина была независимой, да и в советское время выходцы с Украины занимали ведущие позиции в советской иерархии. Национализм оппозиции носил совершенно другой характер. Национализм «оранжевой революции», мне кажется, носил уже не столько продемократический характер, сколько антидемократический;

7) «оранжевая революция» не была бесплатной, она получала мощную финансовую поддержку: государственные деньги (парламентские фракции, политические союзники из числа областных советов и губернаторов), частные деньги сочувствующего бизнеса, огромные финансовые ресурсы иностранных организаций, которые качались в Украину на протяжении всех 15 лет, а последние три года – исключительно активно;

8) политическая революция проходила не на фоне кризиса экономики советского типа, а на фоне впечатляющего подъема последних лет в рамках рыночной экономики, которая сформировалась после десяти лет экономических реформ;

9) «бархатные революции» организовывались немногочисленными группами диссидентов, только в последний момент создававшими широкий фронт. «Оранжевая революция» была проведена целой сетью неправительственных организаций, многие из которых существовали к этому времени уже немало лет.

Исходя из сказанного я бы сделал вывод, что сравнение с «бархатными революциями» конца 80-х годов в Центральной и Восточной Европе возможно, но нужно отметить, что у них немного общего. «Оранжевая революция» – революция нового типа, из числа тех, которые стали называть «цветными»; с моей точки зрения, – это революции НПО.

Взгляд из Москвы на президентские выборы в Украине

Общий интерес Москвы прост – максимальное сотрудничество с Украиной

Украина – это главный непосредственный сосед России на западе, огромная страна с населением 48 млн. человек, лежащая между Россией и ЕС. Осознание важности отношений с Украиной становится все более ясным для российской элиты в последние годы, вслед за тем, как Россия стала постепенно восстанавливать свою субъектность после хаоса 90-х годов при Борисе Ельцине. Владимир Путин встречался с президентом Украины больше, чем с лидером какого-либо другого государства. От отношений с Украиной во многом зависит будущее России, поэтому **главный интерес России в отношении Украины очень прост: обеспечить максимальное сотрудничество в экономике, политике – во всех сферах, жизненно важных для развития страны.** Чтобы создать благоприятные условия для этого сотрудничества, российское руководство сделало несколько больших подарков Украине: согласилось на переход к взиманию НДС для энергоносителей по стране получения (это ежегодный подарок от российского бюджета украинскому бюджету почти в миллиард долларов), по сути дела, простило часть газового долга Украины, проявило максимально возможную сдержанность, почти проигнорировало то, что украинские военные сбили российский самолет с пассажирами, промолчало, когда Украина послала войска в Ирак. Сложение ресурсов России и Украины для совместного быстрого развития – вот цель российской внешней политики.

Организационная форма этого объединения ресурсов для быстрого экономического роста – та, какую захочет Украина. А она, как разборчивая невеста, приглядывается к подаркам, которые ей могут предложить Россия и ЕС. ЕврАзЭС Украина отвергла, а на ЕЭП – Единое экономическое пространство – первоначально в форме зоны свободной торговли Украина, кажется, готова согласиться. Для московских политиков стало аксиомой, что ни одно объединение стран на пространстве бывшего СССР нельзя считать перспективным, если в нем не участвует Украина. Московские политики, может быть, в подсознании и мечтают об империи, но Москва не в состоянии нести бремя империи, и поэтому курс Кремля – не гегемония на постсоветском пространстве, а экономическое сотрудничество для ускорения экономического роста.

Почему ставкой Москвы оказался Виктор Янукович. Чем был плох Виктор Ющенко?

Эта заинтересованность в тесном экономическом, политическом сотрудничестве предопределила и жгучий интерес Москвы к президентским выборам в Украине. Москва поддержала Януковича. Это произошло не потому, что Янукович хорош для Москвы. Москва просто сделала ставку на стабильность и статус-кво. Януковича выбрал не Кремль, а Кучма, назначив своим премьер-министром, Януковича выбрали три основные финансово-политические группы Украины: донецкая (Янукович – непосредственно ее выдвиженец); днепропетровская (ее представляют сам Кучма, его зять Виктор Пинчук и председатель Национального банка Украины Сергей Тигипко, возглавивший избирательный штаб Януковича); и киевская (ее лидер, глава администрации президента Виктор Медведчук, бросивший всю силу главных украинских телеканалов, которые он контролировал, в битву на стороне Януковича). Янукович – ставленник не Кремля и чекистов, а украинской элиты и украинской экономики.

Но если при Януковиче были бы тяжелые переговоры по бизнес-проектам, то при Ющенко, есть опасения, переговоров не будет вообще. Выбор Москвы в президентской гонке – не столько «Янукович», сколько «не Ющенко». Победа Виктора Ющенко рассматривалась как угроза, а попытки ряда западных политиков помочь ему стать президентом – почти как агрессия против России.

Почему? Чем плох Ющенко? Дело не столько в возможной геополитической ориентации Украины в случае победы Ющенко, не в возможном вступлении в НАТО – не так оно страшно, это НАТО, как бесполезно. В Москве считают, что за спиной Ющенко стоят не западные страны, а группа западных политиков типа Збигнева Бжезинского, Мадлен Олбрайт, связанных с восточноевропейскими диаспорами, которые, может быть, и любят демократию, но любят ее меньше, чем не любят Россию. Ющенко, как слабому лидеру, зависимому от окружения, будет навязана политика конфликта с Россией.

В Москве опасаются, что при Ющенко в украинский военно-промышленный комплекс придут представители американских спецслужб, и в результате Россия будет сама вынуждена отказаться от военно-технического сотрудничества с Украиной. Цена вопроса – до 10 миллиардов долларов непосредственно, а возможно, и разрушение части российского ВПК, который с советских времен технологически составляет единое целое с украинским. Это будет и при вступлении Украины в НАТО, что означает ее переход к стандартам.

В Москве опасаются, что при Ющенко начнется выдавливание российского Черноморского флота из Севастополя. Цену вопроса, то есть цену построения новой базы российского Черноморского флота, даже трудно точно подсчитать, но речь идет о десятках миллиардов долларов и о падении влияния Москвы на важном с геополитической точки зрения юго-западном направлении: Ближний и Средний Восток, Средиземноморье.

В Москве опасаются, что при Ющенко-президенте русский язык, который считают своим родным 50 % граждан Украины, не только не получит официального статуса, но и подвергнется интенсивному вытеснению. Об этом свидетельствует и позиция Ющенко в бытность его премьер-министром, и то, что на его плечах в парламентскую фракцию «Наша Украина» вошли все украинские политики, которые в предыдущие годы прославились стремлением к вытеснению русского языка, – такие, как Иван Драч и Николай Жулинский.

Украина – страна, где религиозная жизнь является политически ярко окрашенной. Виктора Ющенко поддерживает Украинская греко-католическая церковь и Украинская православная церковь Киевского патриархата – так называемый филаретовский раскол, – которая

выделилась из канонической УПЦ Московского патриархата в результате революционных событий в середине 90-х, когда в Украине разыгрались драматические бои прихожан за храмы. Москва боится, что Ющенко и церковные политики в его команде выдают украинскую православную церковь Московского патриархата из Украины и тем самым конфессионально разделят Украину и Россию.

Российский бизнес очень активен в Украине и имеет там многочисленные интересы, и Москва боится, что он будет выдавливаться из страны по идеологическим причинам, как это уже неоднократно было в Латвии, Литве, Эстонии, Польше. Москва также опасается, что при Ющенко транзит российских энергоносителей на запад через Украину будет наткаться на идеологические, а не только на экономические барьеры.

Все эти озабоченности были доведены до Виктора Ющенко еще два года назад. Несмотря на его уверения в хороших отношениях с Россией, он не предпринял никаких политических действий для того, чтобы снять эту озабоченность Москвы. Более того, его окружение прямо заявляет о том, что Черноморский флот должен быть выброшен из Севастополя, Украина в церковном отношении не должна быть связана с Москвой, русский язык – это просто язык одного из этнических меньшинств, а русский бизнес – это проводник враждебного Украине московского влияния. Кстати, команда Виктора Ющенко – это тоже повод для головной боли. Кажется, он собрал туда всех тех, кто отметил в своей нелюбви к России, включая откровенных антисемитов, религиозных радикалов и других экзотических деятелей, которые, как Иван Заяц, готовы жечь российские флаги в парламенте Украины или поехать с делегацией к Джохару Дудаеву, провозгласившему себя президентом Ичкерии. Это все действия команды Ющенко. Именно эти угрозы реальны, а вовсе не американское гражданство жены Виктора Ющенко, что может активно использоваться для пропаганды, но, конечно, не имеет серьезного значения.

Возможна ли «оранжевая революция» в России?

Дискуссия по этому поводу уже развернулась. Мне кажется, возможна, но она еще далека, для этого российская политика еще должна пройти ряд важных этапов.

Общее российской и украинской политики:

1) высокая роль олигархических кланов в экономике и политике. В России частные кланы потерпели поражение в схватке с государством, но постепенно под крылом Путина вызревают новые олигархические кланы, которые шли не из бизнеса в политику, а из государства в бизнес;

2) высокая степень использования административного ресурса на выборах, что приводит к искажению волеизъявления граждан и к падению их доверия к выборам и политическим институтам вообще;

3) продолжающийся уже много лет социальный кризис. Он выражается в нескольких формах. Огромен разрыв в уровне жизни между богатыми и бедными; миллионы живут не просто хуже, чем богатые, но хуже, чем жили несколько лет назад, так как уровень жизни пока еще не вышел на тот, который был в последние годы власти коммунистов. Бедность является демонстративной и оскорбительной на фоне потребительской истерики богатых и на фоне благополучия соседних европейских стран;

4) открытость общества: свобода передвижения, включенность в глобальные процессы, информационная открытость, которая ограничивается не политически, а экономически;

5) активность западных фондов и центров, которые на протяжении многих лет открыто осуществляют свои политические программы в стране;

6) интегрированность местной элиты в западные структуры, ее зависимость от позиций Запада, так как именно на Западе эта элита хранит свои деньги, учит своих детей и предпочитает отдыхать;

7) готовность Запада оказывать политическое давление и уверенность политических элит западных стран, что именно они являются той инстанцией, которая выдает мандат легитимности правящему режиму и в России, и в Украине;

8) слабость институтов, отсутствие эффективного государственного управления.

Различия России и Украины с точки зрения возможности осуществления «оранжевой революции»:

1) Леонид Кучма был одним из лидеров непопулярности, а Владимир Путин, напротив, остается самым популярным политиком в стране, значительно опережая всех возможных конкурентов;

2) оппозиция в Украине смогла сформировать сильную политическую коалицию, которая в том числе обладала значительными позициями в парламенте. Напротив, российская оппозиция слаба, она не смогла выйти идейно из 90-х годов, не имеет серьезного влияния в парламенте;

3) в России нет харизматического лидера оппозиции, общим местом стал кризис лидерства;

4) у российской оппозиции отсутствует сильная политическая идея, каковой в Украине стала идея вступления Украины в ЕС;

5) в России значительно выше по сравнению с Украиной уровень суверенитета. Это делает российскую политику более устойчивой к внешним воздействиям, которые оказали очень большое влияние на ОР;

6) в России состоялась связь идеи либеральной, которая дает внешнюю легитимность и огромные ресурсы от международной сети НПО, с идеей национальной, которая традици-

онно дает внутреннюю политическую энергию, так как национализм по-прежнему остается одной из наиболее влиятельных идеологий, и его влияние только повышается во времена кризиса.

Этот краткий анализ показывает, что сегодня Россия не готова к революции типа «оранжевой». Однако большинство существующих отличий могут измениться в течение довольно короткого времени. Это значит, что Россия не открыта для «оранжевой революции» сейчас, но может быть открыта в будущем.

Каково будущее Украины?

Политологу делать прогнозы в Украине сегодня очень трудно, поскольку пока нет ответа на несколько ключевых вопросов. По мере того, как политика и политики будут давать ответы на эти вопросы, будет возрастать определенность политического процесса. Но это не только трудное время для политологов, но и прекрасное время для политиков и политтехнологов – время судьбоносных решений, которые предопределят развитие страны на месяцы, годы, а возможно, если это стратегические решения, то и на десятилетия. Революция не предопределила будущее страны, она скорее завершила прошлое, открыв тем самым новые возможности для будущего. Но какая из этих возможностей реализуется, зависит от очень многих факторов. Пока трудно говорить даже о конкретных сценариях, поскольку неопределенными являются несколько важнейших факторов.

Причины неопределенности ближайшего будущего – что должна определить ближайшая история

1. Будет ли Ющенко действующим президентом, или он из-за своей мягкости, болезни и известной нелюбви к системной черновой работе станет украинским Вацлавом Гавелом, будет разъезжать по Европе, выступать на престижных конференциях типа Давосской, рассказывать, как он сделал ОР и к какому светлому будущему идет Украина под его руководством, а реальную власть отдаст в руки других людей?

2. Кто эти люди, которые будут править от имени Ющенко или вместе с ним? Сейчас я бы выделил четыре группировки с определенным идейным профилем, точнее, четыре политических типа в команде Ющенко:

- люди с европейской идентичностью и демократическими взглядами;
- националисты-русофобы;
- олигархи – люди, делающие акцент не на идеи, а на интересы;
- союзники (Мороз, Кинах), которые тоже большей частью придерживаются демократических взглядов и имеют европейскую идентичность.

Кто возьмет больше власти – не ясно. Ситуация осложняется тем, что на это разделение на идейные группировки накладывается разделение на группировки-кланы, которые ведут борьбу за влияние. А в этих кланах для их усиления, как правило, присутствуют представители разных, а в идеале – всех идейных группировок. Поэтому даже победа той или иной группировки-клана не позволит сразу сделать определенный вывод о том, какая идейная группировка более влиятельна, а какая вытесняется из команды.

3. Пройдет ли конституционная реформа, дающая контроль над правительством парламенту? Ющенко подписался под ней под давлением союзников и Кучмы в момент острой борьбы, но сейчас и он, и его команда вошли во вкус власти, их лояльность обещаниям непонятна.

4. Не ясны и другие составляющие институционального дизайна: **как будет перераспределяться власть между кабинетом министров и другими политическими ведомствами?** Ющенко, натерпевшись от Виктора Медведчука, который единственный мог реализовывать эффективный политический контрпроект с целью не допустить Ющенко к власти, решил превратить администрацию президента из органа политической власти в канцелярию, но где окажутся ее политические функции? Со временем вернутся обратно в секретариат президента? Будут вообще сокращены (например, такие, как контроль над ТВ и контроль над региональными лидерами)? Уйдут в новый орган – предположительно Совет национальной безопасности и обороны? Этот СНБО будет новой администрацией президента, или новым политбюро, или вообще коллективным «Ющенко», который будет управлять от его имени? Или станет чем-то новым? Или постепенно займет скромное место в системе власти, как российский Совет безопасности? Нет пока никаких ответов на эти вопросы.

5. Будет Украина федеративным государством с большими правами у регионов или унитарным? Большое региональное разделение, безусловно, требует федерализации, но, с другой стороны, как раз колоссальное политическое разделение между регионами, невиданное для Европы (Украина – европейский чемпион по политическому различию между регионами), вызывает у части украинской элиты боязнь, что политическое дистанцирование регионов не остановится на этапе федерализма и пойдет дальше – к конфедерации и сепаратизму. Эта боязнь усиливается наличием мощного северо-восточного притяжения в лице России, которая привлекательна для граждан Востока и Юга. Какую позицию займет региональная элита? Ющенко пока приравнивает федерализм к сепаратизму (ничего себе

демократ! Вот бы американским сенаторам знать, что федерализм для Ющенко – политическое преступление, за призывы к которому надо снимать губернаторов с должностей). Новая система в России, к которой перешел Путин, многими в мире называется недемократической, но в ней региональной демократии на порядок больше, чем в Украине. Если Украина станет свободной демократической страной со свободными СМИ, как долго власть сможет сопротивляться федерализму, который Томас Джефферсон назвал территориальной демократией? И кто будет принимать решение – демократы или националисты?

6. Каково состояние общества? Что изменила революция? Пока у нас нет хорошей социологии. До революции мы полагали, что 75 % поддерживают официальный статус русского языка, 70 % выступают за двойное гражданство с Россией. К тому же социология в Украине, которая вообще-то мне кажется вполне квалифицированной, в процессе острейшей избирательной кампании отчасти дискредитировала себя, оказавшись включенной в противоположные политические проекты. Кому сейчас верить-то?

7. Как поведет себя Запад? Запад решительно и масштабно поддержал Ющенко и «оранжевую революцию», но победив, получит ли она реальную помощь? **Запад возьмет на себя хотя бы часть ответственности за украинские реформы или ограничится советами?** После распада СССР мы надеялись, что Запад нам поможет, но он, скорее, устранился.

8. Кто будет реализовывать внешнее влияние в Украине? Кто-то будет обязательно. С моей точки зрения, Украина никогда не была в полном смысле суверенной страной. В этом нет ничего плохого, в современном мире суверенными, мне кажется, можно считать только США, Китай, Россию, Индию, Бразилию и ЕС (там сложная комбинация) плюс несколько маргиналов типа Северной Кореи и Туркмении. За суверенитет приходится платить, и большинство народов предпочитают отдать часть своего суверенитета в обмен на достаток и безопасность. **Внешнее влияние на администрацию Ющенко будет очень сильным, но чье будет определяющим и постоянным?** Кому это более интересно и кто сможет вкладывать в это ресурсы? Брюссель? Вашингтон? Если Вашингтон, то кто – Белый дом или польско-украинская диаспора в США, республиканцы или демократы? Если Европа, то Брюссель или Париж, Берлин или Варшава? Кто будет поставлять советников в администрацию Ющенко?

9. Кто будет оппозицией и насколько она будет сильна? Сейчас идет кристаллизация новой оппозиции, все очень неопределенно. Есть несколько центров кристаллизации: Янукович, Тигипко, Медведчук; а революция выдвигает новые лица на Востоке и Юге, такие как Кушнарив из Харькова, создающий политическую коалицию за федерализм. При распаде прежнего большинства новую роль будут играть старые лица – Литвин становится центром для тех, кто хотел бы ограничить команду Ющенко.

10. Какова будет идеология новой оппозиции, смогут ли Восток и Юг сформировать собственное видение Украины, свой проект будущего Украины?

11. Что произойдет с левыми, где идут скрытые, но очень интенсивные процессы? Кто сможет аккумулировать тот протест, который вызовут радикальные реформы в области экономики, многими так ожидаемые?

Пока ответы на эти вопросы не даны, трудно прогнозировать, в каком направлении будет развиваться Украина при Ющенко. Ющенко не демиург, властной рукой создающий новую реальность, он, скорее, моральный лидер протеста большинства граждан Украины против олигархического и нагло-несправедливого режима, заключивший союз с несколькими политическими группировками.

Поэтому у меня пока нет ответа даже на главный вопрос, который многим сторонникам Ющенко в Украине и Европе кажется решенным: **станет ли Украина при Ющенко демократической страной, частью Европы?** Будущее не предопределено, есть

угроза, что политики-националисты и олигархи обманут тех, кто вышел на улицы под оранжевыми флагами и для кого Ющенко – символ надежды, символ свободы и пути в Европу.

Существует хорошо разработанный миф, что Ющенко – это демократия для Украины и путь в Европу. В этом мифе очень много правды: сам Ющенко – искренний сторонник демократии и скорейшего вступления Украины в ЕС, он сторонник свободы слова и либеральной рыночной экономики. Если бы Ющенко проводил демократическую, а не националистическую политику, а Украина строила европейские институты, то это было бы очень позитивно для России. Если бы рядом с нами создалась новая славянская демократия с культурно родственными гражданами, это был бы прекрасный пример для быстрой европеизации и демократизации России.

Однако из Москвы Ющенко видится не в таком розовом свете. Мы не будем больше путать националистов-русофобов и демократов. В 1991 году в Латвии и Эстонии мы уже сделали эту ошибку, больше она не повторится. Националист может быть демократом, но может и не быть. Чаще всего в критические моменты националист предаёт идеалы демократии. В отношении Ющенко есть несколько озабоченностей в связи с его претензиями: действительно ли он привержен демократическим ценностям, а не просто использует демократическую фразеологию?

1. Ющенко – плоть от плоти режима Кучмы, он рожден им, служил ему, а критически стал относиться только после увольнения.

2. Ющенко занимает недемократическую позицию по культурно-языковому вопросу: социология говорит, что в Украине 45 % жителей в семьях говорят по-русски, 45 % – по-украински, 10 % – на обоих языках. Для демократа в таких условиях естественно занимать позицию: русский язык должен иметь равные права с украинским. (При этом, конечно, так как Украина – единственная страна, где развивается украинский язык, она ответственна перед собой и всем миром за сохранение и развитие этого языка и должна быть специальная государственная программа поддержки украинского языка.) Но Ющенко выбирает программу не демократа, а националиста – он пока декларировал стремление приравнять русский не к украинскому, а, скорее, к языкам национальных меньшинств: крымско-татарскому, венгерскому, румынскому, на которых говорит 1 %. Русские в Украине – не национальное меньшинство, а, как и украинцы, государственно-образующая нация. Пока это не будет политически оформлено, будет сохраняться напряженность.

3. Кризис показал, что команда Ющенко легко отказывается от договоров. Этим много раз были возмущены не только его противники, но и его союзники – такие как Мороз.

4. Кризис показал, что Ющенко для своей выгоды легко идет на незаконные действия (при этом, конечно, его противники также нарушали закон). В частности, то, что происходило между вторым и третьим турами, трудно назвать торжеством закона. Торжеством политической силы – да, но торжеством закона – вряд ли.

5. Ющенко и его команда занимались фальсификациями на западе Украины, как, видимо, и его противники – на востоке, это показывают цифры (явка более 80 %, а где-то и более 90 %, за Ющенко – более 95 %, как в СССР).

Ближайшее будущее покажет, куда идет Украина. Если она идет по пути демократии в Европу, то можно только порадоваться за нее. Если националисты и олигархи поделят власть и будут подавлять и игнорировать позиции и интересы миллионов людей, то Украину ждут новые революции.

Если Украина сможет осуществить внутренние реформы по европейскому типу, это будет болезненно для амбиций Москвы, но полезно для России в целом, так как укажет нам путь, по которому и мы сможем пойти. Мы только пожелаем ей успехов в реформах в сторону демократии; успехи Украины мы будем рассматривать как наши успехи, неудачи Украины –

тоже наши неудачи. Вот такой братский подход, и мы никогда от него не избавимся, так как связаны общей тысячелетней историей и общей культурой. Надеюсь, и общим будущим.

Коктейль победы: почему Россия выиграла украинские выборы

Андраник МИГРАНЯН,

вице-президент Международного фонда экономических и социальных реформ «Реформа», профессор Московского государственного института международных отношений

Когда все страсти улеглись, в Украине уже сформировано правительство и очерчены первые контуры переосмысления нового политического пространства, можно ли попытаться подвести некоторые итоги и разобраться, что же на самом деле произошло? Как с российской точки зрения можно оценить прошедшую «оранжевую революцию» и какие новые возможности открылись для российско-украинских отношений?

Только ленивый не издевался над российской политикой и работой российских политтехнологов в период революции. Только ленивый не отмечал неуклюжие действия Москвы. Только ленивый не говорил о сокрушительном поражении России на выборах в Украине, где Россия впервые как субъект международной политики пыталась активно отстоять какую-то свою линию. Поэтому на данном фоне моя оценка того, что произошло в Украине, может показаться неожиданной.

Несмотря на то, что кандидат Восточной Украины Янукович, которого поддерживала Россия, потерпел поражение, на самом деле в стратегическом плане, мне кажется, Россия одержала внушительную победу на этих выборах. Повторяю, не благодаря действиям самой России, а вопреки им. Мой вывод объясняется несколькими обстоятельствами.

Во-первых, в высказываниях Януковича не было ничего того, что радикально отличало бы его от кандидата в президенты Леонида Кучмы в 1994 году. Те же самые обещания о статусе русского языка, о тесной интеграции между Россией и Украиной, а в тот период еще и обещания Кучмы об особых отношениях с Россией и особых договорных отношениях между Киевом и Симферополем. В результате после каждой победы «кандидата от востока», поддержанного Россией, над «кандидатом от запада» – Кравчука над Чорновилом, Кучмы над Кравчуком, Кучмы над кандидатом от коммунистов – мы становились свидетелями укрепления украинской государственности и дрейфа Украины к большей самостоятельности и большей вовлеченности в европейскую политику в экономическом плане и к укреплению ее военно-политических связей с НАТО и другими западными странами.

Таким образом, мы уже имели опыт победы «кандидата с востока» над «кандидатом с запада» и победы востока над западом, за которой маячила тень России. И в результате мы не добились сохранения Севастополя как базы Черноморского флота, мы сохранили там только жалкие остатки флотской инфраструктуры. Мы не добились реального утверждения русского языка в качестве второго государственного или даже официального. Мы не добились серьезной интеграции и серьезного вовлечения Украины в процессы, ставящие целью создание каких-либо эффективных структур в рамках СНГ. При этом происходило постоянное разворачивание российского газа и энергоносителей. Хотя в то же время не прекращались разговоры о «тесных отношениях», о «стратегическом партнерстве» и произносились речи, лишенные всякого политического содержания.

Я думаю, что победа Януковича привела бы к продолжению той же линии Украины: ограничение внутренних украинских рынков для российских капиталов и российского бизнеса, продолжение дрейфа в сторону НАТО и Европейского союза, заигрывание Украины с Западом и укрепление основ украинской независимости и государственности, по-прежнему сдержанное отношение к СНГ и к попыткам создания реальных многонациональных струк-

тур по управлению экономическими и военно-политическими процессами на пространстве бывшего Советского Союза в рамках СНГ.

Таким образом, можно сказать, что поражение Януковича ни в коем случае не является поражением России. Поражение Януковича – это избавление России от прежней губительной линии, которая не приводила ни к каким реальным результатам, а только создавала обманчивое впечатление какого-то присутствия, какого-то эфемерного влияния, каких-то достижений. В реальности же происходили прямо противоположные процессы.

Это – первый вывод, который напрашивается при беспристрастном анализе произошедших в Украине событий. Нелишне было бы напомнить, что один из наиболее тонких знатоков внутриукраинской политической кухни, известный в России украинский журналист Виталий Портников еще лет десять назад не без основания говорил мне, что до тех пор, пока к власти в Украине приходят представители кланов Днепропетровска, Донецка и других регионов востока и юга, целостности украинской государственности не угрожает никакая опасность.

Каков же второй вывод, вытекающий из того, что произошло в Украине? Он сводится к следующему: впервые за 14 лет существования украинского государства кандидат Западной Украины победил кандидата Восточной Украины. По большому счету в глобальном, мировом плане «Запад победил Восток», то есть за Западной Украиной была видна не только тень, но более серьезные контуры Запада в целом: структуры НАТО, Европейского союза, материализованные в процессе посреднической деятельности. В этом деле особо отличились друг президента Джорджа Буша президент Польши Александр Квасьневский, президент Литвы Валдис Адамкус и наиболее компетентный и авторитетный специалист по международным делам, практически министр иностранных дел и обороны Евросоюза Хавьер Солана.

Необходимо сказать, что это создает принципиально иную ситуацию в Украине, и теперь ответственность за сохранение целостности страны, за определение будущего курса в полной мере ложится на плечи Европейского союза и НАТО, то есть Брюсселя и Вашингтона. Потому что упор на «демократические ценности», которые якобы превратили Украину в ходе «оранжевой революции» в принципиально другую страну, отличную от России, создал в украинском общественном и политическом сознании впечатление, будто послереволюционная, демократическая Украина уже готова быстро и безболезненно интегрироваться в западные оборонные и экономические структуры. Теперь уже новым киевским властям, так же как и руководству ЕС и НАТО, надо ломать голову над тем, насколько они готовы оправдать ожидания общественно-политических кругов Украины относительно быстрого и безболезненного вовлечения Украины в западную цивилизацию. От этого во многом будет зависеть ответ на другой вопрос: действительно ли Украина уже качественно иная для Запада страна, чем Россия? На данном этапе как украинские, так и российские либералы настаивают именно на таком уровне.

Впервые за многие годы это обстоятельство развязывает руки Москве и дает возможность России сделать шаг назад. Впервые, не демонстрируя собственное прямое вовлечение во внутриукраинские дела, России представляется возможность занять выгодные в политическом отношении позиции и перевести отношения с Украиной на жестко прагматические основы, учитывающие экономические и национальные интересы.

Мне представляется это чрезвычайно актуальным в период, когда впервые в Украине мы наблюдаем раскол, вызванный не Россией и российской политикой, а раскол, который действительно разделяет эту страну и проходит по линии «запад и центр» – «восток и юг». Эти выборы показали: украинская государственность – очень хрупкое образование. Украина должна еще доказать, что сможет пройти испытание своей государственностью и испытание победой «Запада над Востоком». Все предшествующие периоды, когда казалось, что Восток побеждает Запад и Россия стоит за Востоком, в Украине не было ни одной более или менее

серьезной политической силы, которая выступала бы за федерализацию страны, придерживалась бы позиции сепаратизма, – за исключением Крыма, но это особый случай. Процессы в Крыму развивались еще в период позднего Горбачева и были во многом обусловлены тем, каким образом Крым оказался в составе Украины. Поэтому они имели особую природу и не случайно в тот период не поддерживались другими регионами юга и востока страны.

На прошлых парламентских выборах русская партия получила что-то около 0,1 % голосов, и это – подтверждение того, что, хотя на теоретическом уровне проблема региональной раздробленности и целостности государства и осознавалась политиками разного толка, она не превращалась в фактор реальной политики, и поэтому казалось, будто ничто не угрожает украинской государственности. Но конференция руководителей областей востока и юга Украины, созданная в Северодонецке, разговоры на самом высоком уровне об автономии этих территорий и о федерализации свидетельствуют не о «кознях Москвы» – это, скорее, серьезные внутриукраинские проблемы. И неизвестно, каким образом запад будет их решать. Не говоря уже о том, что, если новые власти во главе с Ющенко и Тимошенко попытаются осуществить быстрые экономические реформы и трансформацию экономики для адаптации к требованиям Европейского союза, то им придется серьезно затронуть весь промышленный потенциал востока и юга Украины, где сотни тысяч, а может быть, и миллионы людей работают на старых производствах, по старым технологиями, модернизация которых обострит и без того серьезное напряжение, существующее между регионами Украины.

Таким образом, президентские выборы показали уязвимость украинской государственности, внутреннюю неинтегрированность Украины как государства. Это дает России возможность очень широкого маневра в выборе своей политической линии по отношению к Украине в зависимости от того, как новые власти будут себя позиционировать по отношению к северному соседу.

Третий вывод, который напрашивается при анализе итогов выборов в Украине, сводится к тому, что никогда раньше Запад столь активно не вовлекался в процесс выборов ни в одном постсоветском государстве, даже в Грузии. Тут нет ничего удивительного. Всем известно, что западные стратеги, да и не только западные, всегда выражали опасение по поводу того, что когда-нибудь Украина объединится с Россией, а это будет означать, что Россия обретет принципиально иное качество. Объединившись даже с восточной и южной частью Украины, Россия может обрести, во-первых, более выгодные геополитические позиции; во-вторых, около тридцати миллионов образованного и квалифицированного населения, в культурном и языковом отношении гомогенного с русскими; в-третьих, дополнительный экономический и военно-технический потенциал. Учитывая, что сегодня Россия находится на подъеме, а глобализирующийся мир переходит от одних конфликтов к другим, это может обеспечить России принципиально иное место и положение по отношению к Брюсселю и Вашингтону.

Вот почему, мне кажется, вовлечение Запада было столь массированным и столь решительным. Речь не идет о сотнях миллионов долларов, которые поступали через государственные и негосударственные структуры в виде грантов и прямой помощи и подпитывали, поддерживали «оранжевую революцию» и множество структур, созданных с этой целью в молодежной среде, в политических кругах.

Речь идет об очень прямом и жестком вовлечении, когда Запад в лице Вашингтона и Брюсселя однозначно предупредил Кучму, Януковича и украинские власти о необходимости воздержаться от применения силы, хотя массово нарушался общественный порядок, нарушались законы, когда демонстранты, блокируя правительственные здания, парализовали государственные органы власти.

Фактически парализуя власть своими жесткими требованиями, Запад таким образом обеспечивал преимущество оппозиции над властными структурами. Мне это напоминает

ситуацию, когда в декабре 1990 года на Мальте Михаил Горбачев под давлением Джорджа Буша-старшего обещал не применять силу в Прибалтике. Это дало возможность прибалтийским республикам и лидерам их национальных движений беспрепятственно устраивать массовые выступления с целью захвата власти, будучи уверенными, что Горбачев не рискнет применить силу в массовом порядке, а если и будут какие-то спорадические акции со стороны армии и официальных властей, то он попытается открещиваться от этих акций. Так, собственно говоря, и произошло в январе 1991 года во время событий в Риге и Вильнюсе.

В случае с Украиной Кучма и его сторонники предпочли подчиниться диктату Вашингтона и Брюсселя в этом вопросе. Но помимо этого было еще одно знаменательное событие, на которое следовало бы обратить особое внимание, говоря о роли Запада. Я имею в виду звонок заместителя государственного секретаря США Ричарда Армитаджа, который в жесткой форме предупредил Януковича (после того, как в ходе Северодонецкой встречи руководителей регионов востока и юга прозвучали идеи о возможном расколе Украины), что Соединенные Штаты категорически против любого возможного сепаратизма в Украине и раскола страны. Таким образом, эти действия Запада в значительной степени подготовили благоприятную внешнюю и внутреннюю обстановку для победы «оранжевой революции».

Конечно, в этих условиях Россия могла бы перейти к открытой фазе противостояния Брюсселю и Вашингтону и простимулировать процессы по обособлению востока и юга Украины от Киева и запада. Однако это означало бы фронтальное столкновение с Брюсселем и Вашингтоном, к которому Россия не была готова. И слава богу, что она на это не пошла. Трудно было бы рассчитывать на то, что этот план мог быть реализован в тех условиях, когда на таком высоком уровне довольно спонтанно образовался, как выяснилось позже, столь хрупкий в институциональном отношении союз востока и юга против Киева.

Но как бы то ни было, сложившаяся ситуация в значительной степени отличается от той, что была при Кучме. По крайней мере она делает обстановку в Украине более ясной и понятной и открывает новые возможности, позволяющие России без всяких иллюзий сформулировать собственную политику по отношению к Украине и выработать адекватную линию поведения. Впервые, может быть, Россия имеет возможность не непосредственно, а извне воздействовать на эти процессы, позволяя самим украинцам разобраться с коренными вопросами развития украинского государства.

Еще один вывод напрашивается из сложившейся ситуации. В итоге кандидат от запада, особенно если учесть послужной список Ющенко, который был не худшим премьером при Кучме и при котором российский капитал имел гораздо больший доступ в Украину, чем при Януковиче, будет чувствовать себя более свободно при проведении своей российской политики, не боясь, как Кучма и Кравчук, быть обвиненным в том, что он «продает» национальный суверенитет, независимость, украинскую государственность и т. д. Кстати, нечто подобное мы уже проходили в период противостояния СССР – США, когда республиканцы чувствовали себя гораздо свободнее в проведении более конструктивной политики по отношению к СССР, не боясь быть обвиненными в «потакании» коммунизму и тоталитаризму.

В заключение хотелось бы остановиться еще на двух вопросах, связанных с будущим российско-украинских отношений.

Первое. Совершенно очевидно, что в сложившейся ситуации основные векторы украинской политики определены. Это сохранение двусторонних экономических отношений с Россией и нейтрализация России при последовательном движении в сторону интеграции в Европейский союз и НАТО.

Правда, на недавней конференции с участием представителей украинской политической элиты, Евросоюза и НАТО дипломаты, представлявшие эти структуры, пытались несколько остудить пыл украинцев, которые хотели бы немедленно начать переговорный процесс, с тем чтобы получить программу для членства, а не программу для сотрудниче-

ства, и подготовить необходимые условия для интеграции Украины в Европейский союз и в НАТО. Однако всем очевидно, что ни структура экономики, ни уровень экономического развития Украины, ни состояние самого Европейского союза, который только что принял в свой состав десять государств (а на очереди еще Болгария, Румыния, Хорватия), не позволяют думать о возможном скорейшем вступлении Украины в Евросоюз. Аналогична ситуация в отношениях НАТО – Украина. Хотя, может быть, здесь есть определенная заинтересованность Вашингтона в более быстром приеме Украины в НАТО, чем это возможно в отношении членства в Европейском союзе. Но тут дает о себе знать другой, гораздо более важный внутренний фактор, препятствующий быстрому движению Украины в направлении НАТО.

В Украине есть консенсус между основными политическими игроками по поводу следующей формулы: модернизация украинской экономики и общества невозможна без участия ЕС и украинская стабильность невозможна без участия России. Это говорит о том, что если украинское руководство и предпримет шаги по пересмотру своей политики относительно единого экономического пространства с Россией и другими государствами СНГ и возьмет курс на более быстрое продвижение по пути европейской интеграции, то у него будет гораздо больше поддержки, чем в вопросе о военной интеграции с Западом. Во втором случае украинское руководство может столкнуться с очень серьезными препятствиями. По данным социологов, украинское общество в своем подавляющем большинстве не приемлет возможного участия Украины в НАТО, поскольку оно воспринимается как участие в военно-политическом союзе против России. На данном этапе украинское общество не готово к этому и не хотело бы размежевания с Россией. Тем более очевидно, что если военная инфраструктура НАТО будет распространяться в Украину, то Украина станет прифронтовым государством между Западом и Россией.

Мне представляется, что в сложившихся условиях у значительной части украинской элиты проявляется интерес к быстрому экономическому вовлечению Украины в Европейский союз. При этом зреют идеи обретения особого военно-политического статуса, обеспечивающего безопасность Украины. Предложенный некогда вариант о гарантиях НАТО и России странам Восточной Европы во избежание их включения в НАТО сегодня может быть приемлемым как для украинского общества, так и для значительной части украинской элиты, включая либералов-патриотов. Об этом неоднократно высказывались видные представители этих кругов на международных и иных конференциях и в публичных выступлениях.

Мне представляется, что России следовало бы гораздо сдержаннее и с пониманием относиться к процессам ускоренного вовлечения Украины в Европу и Европейский союз, что неминуемо приведет к переоценке заключенных договоренностей по единому экономическому пространству. В то же время следовало бы уже сегодня, прощупав позицию Вашингтона и особенно Парижа и Бонна, вместе с украинскими ответственными политиками подготовить соответствующий договор, гарантирующий нейтралитет и безопасность Украины со стороны России и НАТО. Таким образом, Украина могла бы обрести статус, который после Второй мировой войны имела Австрия по договору 1955 года.

Второе. На данном этапе не следует торопиться с выработкой новой стратегической линии, надо выдержать по отношению к Украине определенную паузу. Эта пауза сегодня необходима, чтобы как в России, так и в Украине переварились последствия «оранжевой революции», пришло бы ясное осознание того, что произошло в этой стране, как эти события отразились на отношениях между Россией и Украиной, Россией и Западом. Тем более что в Украине сейчас уже идет процесс переосмысления политического поля.

Очень важно выждать и посмотреть, что будет происходить с коалицией «оранжевой революции», по каким линиям пойдет становление новых политических сил и структур, которые фактически уже начинают свою избирательную кампанию в парламент, насколько

серьезны были намерения лидеров революции реформировать политическую власть с перемещением центра тяжести этой власти в парламент и в правительство, насколько готово или не готово новое украинское руководство к резким шагам по отношению к Москве.

Все это требует очень серьезного осмысления. И слава богу, что в сложившейся ситуации у России нет никакой необходимости торопиться и вести там упреждающую политику. Сегодня наиболее выигрышная позиция – это выдержать паузу, иметь свободу маневра как во времени, так и в пространстве, для того чтобы адекватно реагировать на те или иные действия украинских властей, ясно и четко представлять, каково политическое поле самой Украины, каковы направления развития этого государства, каковы пределы и возможности интегрирования этого государства в европейские экономические структуры и международные структуры безопасности.

Российский прессинг и притяжение Европы

Аркадий МОШЕС,

руководитель программы «Россия и ЕС» Финского института международных отношений

Вопреки теории заговоров, активно предлагавшейся российскому общественному мнению в качестве главной причины «оранжевой революции», в реальности внешний фактор в событиях такого рода и масштаба никогда не играет определяющей роли. В последние полтора десятилетия для всплеска массовых протестных настроений в Европе были необходимы социально-экономическая катастрофа (Грузия), усталость от военных поражений (Сербия), восприятие власти как оккупационной (Балтия), неприятие идеологического и полицейского пресса (страны Центральной Европы) или их комбинация.

Однако в Украине часть этих явлений если и наблюдалась, то в сравнительно небольшой степени. Украинская экономика росла, не было речи ни о какой внешнеполитической изоляции ни на Западе, ни на Востоке, границы страны – полностью, а информационное пространство – до значительных пределов были открытыми. Поэтому, в моем понимании, людей привели на Майдан не только протест и неприятие – хотя методы, использовавшиеся в ходе кампании против Виктора Ющенко, вызывали именно эти чувства, – но и стремление к изменениям. Иными словами, «оранжевые» боролись не столько против настоящего, для многих в материальном плане приемлемого, сколько за перспективу, за лучшее будущее.

Асимметрия внешних влияний на выборы в Украине

Внешний фактор получил столь большое значение в украинских событиях именно потому, что расклад зарубежных сил совпал с основным водоразделом внутреннего противостояния. Россия стала на украинских выборах стороной, которая защищает прошлое, а Европа – символом будущего.

Любители теории международных отношений могли бы описать происшедшее в терминах модерна и постмодерна, противопоставляя поведение классических держав с их императивом прямого контроля и возникших в эпоху глобализации и отказа от национальных суверенитетов центров soft power («мягкой силы»), строящих свою политику на иных основах. В этой трактовке Россия и Европа вели свои партии за Украину в разном историческом времени. Россия, приверженная принципам *realpolitik*, играла в игру с нулевой суммой. И по канонам этой игры имела неплохие шансы на выигрыш, поскольку четко осознала свои задачи, сделала ставки и сконцентрировала ресурсы. В эту игру СССР и США играли десятилетиями (и, как многим кажется, играют и сейчас, хотя весовые категории слишком неравны). А Европа ведет себя иначе. Она ограничивается декларациями, не берет обязательств и не дает денег, не борется за влияние в традиционном понимании, но в конечном итоге для соседствующих с ней стран становится символом успеха и примером для подражания – и потому наращивает свою притягательность и политический ресурс.

Мотивация, поведение и ошибки Москвы

С точки зрения целеполагания российская украинская политика достаточно прозрачна. Задачи, которые ставит перед собой сегодняшняя российская власть, легко читаемы. Во-первых, в собственно внешнеполитической сфере Москва хотела бы избежать прохождения рубежей политической Европы по российско-украинской границе. До недавнего времени, пока сохранялась перспектива развития российско-европейских отношений по интеграционному пути, эта задача, по крайней мере теоретически, могла решаться через совместное с Украиной движение в Европу. Однако откровенная стагнация, а точнее, ухудшение отношений России и ЕС вновь вывело на передний план стремление сохранить политико-правовой раздел Европы на границе между Украиной и Польшей. Следствием возврата в операционное поле пусть прямо и не высказываемой концепции сфер влияния стала активизация интеграционных попыток на постсоветском пространстве.

Во-вторых, сегодняшней Москве было бы выгодно сохранить в Украине статус-кво и по внутривнутриполитическим причинам. Системные демократические и рыночные преобразования в Украине в какой-то момент предстали бы контрастом с процессами, идущими в самой России, и могли бы породить запрос на аналогичный курс внутри страны. Демонстрационный потенциал Украины относительно России слишком велик для того, чтобы от перспективы выхода Украины из поля управляемой демократии можно было легко отмахнуться.

Сочетание этих двух императивов привело Москву к ставке на преемственность режима в Украине и соответствующему выбору персоналий. При этом, к сожалению, соблюдение таких неконъюнктурных российских интересов, как сохранение политической стабильности и отсутствие конфликта в отношениях с Украиной, а также продвижение российского бизнеса в Украину и совместного – в третьи страны, тоже начало ставиться в зависимость от исхода выборов, хотя достаточных оснований для этого не было.

Мотивация Москвы в ходе украинских выборов-2004 была чрезвычайно высокой. Российская заинтересованность в сохранении преемственности режима в свете приведенных обстоятельств выглядела более сильной, чем у многих представителей украинской власти лично, поскольку последние смогут найти ниши и при новом президенте. Отсюда становится понятной беспрецедентная активность российских акторов и готовность пойти на риск подрыва результатов прагматичного курса, проводившегося Владимиром Путиным в первое четырехлетие пребывания у власти.

Воздействие России на ход выборов в Украине проводилось по четырем направлениям:

- 1) политическая поддержка «своего» кандидата на самом высоком уровне, включая визит Путина в Киев;
- 2) информационное давление на избирателя через российские электронные СМИ;
- 3) консультации российских политтехнологов;
- 4) финансовая помощь (если верить некоторым публикациям).

Освещение выборов в российских электронных СМИ зачастую выливалось в манипуляцию фактами, а отдельные попытки повлиять на процесс осуществлялись на грани закона, в связи с чем нельзя исключать в будущем организации в Украине судебных процессов против россиян.

Однако результаты российского вмешательства оказались обратными желаемым. Зримое присутствие российского фактора актуализировало для украинцев проблему выбора и способствовало политической мобилизации вокруг Ющенко тех слоев населения, для которых неприемлемо увеличение веса России в украинской политике, но которые в иных обстоятельствах совсем не обязательно пошли бы за лидером «Нашей Украины». Учитывая близкий уровень поддержки двух основных кандидатов, российское настойчивое продвижение

собственного взгляда на будущее Украины могло в силу логики отторжения стать переломным фактором, сработавшим на пользу Ющенко.

Россия оказалась неспособной к более гибкому, тактичному и в конечном итоге более продуктивному с точки зрения поставленных задач воздействию на политический процесс в Украине по следующим основным причинам.

Во-первых, российская политика основывалась на неадекватном понимании внутренней ситуации. В России преувеличивалась глубина раскола между западными и восточными регионами Украины и представлявшими их элитами, их якобы неспособность договариваться друг с другом. Преувеличивался уровень ориентации людей на Россию: в результате Виктор Янукович сделал ставку на мобилизацию этого электората и проиграл. Найдя лозунги для объединения группы, включающей 35–40 % населения максимум, он оттолкнул остальных – например, украиноязычное население сельских районов центральных областей.

Во-вторых, оценка российских возможностей повлиять на исход выборов была явно завышенной. Уже в 2002 году Москва оказалась бессильной не допустить победы на парламентских выборах блока «Наша Украина». А после событий вокруг острова Тузла, последовательного отсечения российского бизнеса от знаковых экономических проектов в Украине и провалов в других регионах СНГ (Абхазия и Белоруссия) восприятие России как силы, способной добиваться своих целей, по сути, пропало.

Неоптимальным – после Беслана – был момент личного вступления «в гонку» президента Путина.

В-третьих, кардинальные отличия Украины от России (в том числе близость Европы, но и многие другие) не принимались во внимание. Украина в значительной степени все еще виделась как страна, повторяющая путь России с лагом в несколько лет. Отсюда следовал и сам проект «преемник», но главное – абсолютизация политтехнологий, контроля над СМИ, финансового доминирования при его реализации.

Однако главной даже не ошибкой, а проблемой российского курса в отношении выборов-2004 было то обстоятельство, что Россия не могла предложить Украине ничего нового. Все выгоды реинтеграции были известны Украине и ранее, тем не менее за годы независимости украинская элита и большинство населения не сочли эти предложения достойными принятия. Россия не смогла представить нового привлекательного проекта, который стоил бы отказа от перспективы на евроинтеграцию. А вопрос к 2004 году встал перед Украиной в том числе и так.

Европа: вовлечение против воли

По сравнению с Россией (или США), присутствие Европейского союза в украинском политическом поле вплоть до финальной стадии выборов было минимальным. Европейцы не скрывали своих предпочтений в пользу Ющенко, но воздерживались от действий, реально способных сделать его победу более вероятной. Одним из таких способов было бы проведение четких различий между кандидатами в контексте европейской перспективы Украины, как это, например, делалось в Белграде в 2000 году. Однако Брюссель занял иную позицию, сводившуюся к готовности подписать План действий, выработанный в контексте так называемой европейской политики соседства, с любым возможным победителем.

Другим способом было бы указание на возможность введения по отношению к Украине адресных санкций, в случае если бы массированное применение административного ресурса привело бы к победе менее предпочтительного кандидата, по аналогии с актом Рорбахера, внесенного в Конгресс США. Не обсуждая результативность подобных мер в целом, можно все же предположить, что с учетом сегодняшнего уровня «европеизации» образа жизни украинского правящего класса (банковские счета, отправка детей в Европу на учебу и т. п.) угроза адресных санкций могла бы стать далеко не символическим инструментом в руках Брюсселя. Но европейцы не пошли и по этому пути.

Вполне вероятно, что ЕС в действительности не захотел делать ставки на украинских президентских выборах. Этот вывод укладывается в определенную логику. Во-первых, интересы ЕС – этого уникального образования – формируются на базе интересов государств-членов на уровне наименьшего общего знаменателя. Этот алгоритм реально не позволяет Украине встать в ряд главных приоритетов ЕС. Экономические интересы ведущих экономик Евросоюза в Украине невелики и во многом сводятся скорее к защите собственных рынков от украинского экспорта, чем к экспансии в Украину. Налицо стремление ряда «больших» членов, прежде всего Германии, не делать ничего такого, что могло бы осложнить их двусторонние отношения с Россией и укрепить в России представление о том, что ЕС ведет с ней игру с нулевой суммой. Расширение ЕС, естественно, изменило расклад сил внутри союза, увеличив число «адвокатов Украины», но одновременно заставило старых членов задуматься о том, как не дать новобранцам набрать слишком большой вес, что особенно заметно применительно к такой стране, как Польша.

Во-вторых, большинство интересов, необходимость соблюдения которых очевидна всем (сохранение базовой стабильности в стране, контроль над рисками мягкой безопасности, обеспечение дружественного характера отношений), были бы обеспечены при любом правительстве Украины. За исключением главного интереса, в идеальном виде формулируемого как системная трансформация и демократизация Украины без одновременного получения ею членства в Евросоюзе. Но эта задача выглядела как практически не решаемая, поскольку сохранение режима Леонида Кучмы делало маловероятной демократизацию, а приход Ющенко при отсутствии гарантий по первой части означал бы еще и четкое несогласие по второй.

В-третьих, ЕС пока мало что готов предложить Украине на практике. Хрестоматийной в этом плане может считаться судьба нефтепровода Одесса – Броды, когда после многочисленных деклараций о важности проекта, ЕС в силу ряда обстоятельств так и не смог оказать содействие его превращению в элемент инфраструктуры транзита каспийских энергоносителей. Точно так же скорее негативное отношение ЕС к возможному членству Украины в Едином экономическом пространстве не сопровождалось готовностью открыть для нее свои рынки. В этом свете приход к власти преемника Кучмы был бы в чем-то даже выгоден «еврократам», поскольку у Брюсселя появилось бы достаточно оснований, чтобы оправды-

вать свою пассивную позицию отсутствием прогресса в Киеве. И наоборот, при Ющенко, если в стране пойдут реформы, ЕС и национальные столицы утратят моральные основы для декларативной политики, а требования Киева будут звучать все более оправданно.

Рациональные соображения заставляли Европу воздерживаться от прямого политического воздействия на исход кампании. Неактивное поведение ЕС, таким образом, легко прогнозировалось. Однако рациональный анализ оставлял в тени то обстоятельство, что внешнее влияние проецируется не только через конкретные действия, но и через распространение представлений об успешности и привлекательности той или иной модели развития. К 2004 году в Украине в этом плане произошли достаточно глубокие изменения, сделавшие европейский выбор, ассоциировавшийся с Ющенко, вне зависимости от дипломатических позиций ЕС естественным для миллионов людей. Если верны опросы, согласно которым 50–60 % жителей Украины выступают за присоединение страны к ЕС, в то время как лишь примерно 10 % против этого, то тезис о европейском выборе мог действительно стать электоральным ресурсом Ющенко.

Два процесса представляются критически важными для укрепления представлений о выгоды и реалистичности европейского выбора в Украине. Прежде всего, значительное количество людей сформировало собственное – положительное – представление о европейских реалиях. Для одних источником информации стали страны Центральной Европы, достигшие значительных социально-экономических результатов в процессе вступления в ЕС. Другие прошли путями трудовой миграции через страны «старой», преимущественно Южной Европы. В силу высокой личной трудовой и социальной мобильности эти люди, как правило, убеждены в способности и всей Украины соответствовать требованиям членства в ЕС.

Другим фактором стало качественное изменение торгового баланса Украины, превращение ЕС в ведущего экспортного партнера страны. Украинский бизнес приобрел опыт работы на рынках Евросоюза, приспособился к их требованиям, развил вкус к ведению дел в Европе. Европа предлагает стабильные правила сохранения и инвестирования капитала, в то время как постсоветские «понятия», удобные для его накопления, но чреватые политическими рисками в какой-то момент начинают становиться обузой даже для крупного бизнеса. Стоимость входа в европейское экономическое пространство может быть велика, но не запредельна; она платится один раз и несет осязаемые выгоды.

Что дальше?

Повторю, что я не верю в способность внешних сил оказать решающее влияние на выбор нацией своего будущего в тот или иной конкретный момент времени. Предпосылки для качественных сдвигов всегда вызревают изнутри. Столь мощное звучание темы России и Европы как двух центров притяжения для Украины в ходе выборов-2004 – в известной степени случайность, вызванная выходом ЕС на западные границы Украины в том же году, с одной стороны, и психологическим настроением Москвы рассматривать проблему сквозь призму геополитического выбора – с другой.

В ближайшие годы прямое воздействие внешних факторов на ситуацию в Украине будет скорее всего снижаться. В 2004 году страна доказала, что должна теперь рассматриваться преимущественно как субъект внешней политики, а не ее объект. Ее отношения с обоими своими главными партнерами, впрочем, не стали от этого более безоблачными. Новое украинское руководство реально ставит перед собой задачу войти в Евросоюз наперекор воле европейской бюрократии, что не будет находить понимания в Брюсселе, Берлине, Париже, Риме. Одновременно оно перехватывает у Москвы инициативу в определении двусторонней повестки дня, что будет вступать в острое противоречие с далеко не изжитым в России комплексом старшего брата.

Выбор Украины только намечен, но ни в коей мере не закреплён. Если президент Ющенко решится на болезненные реформы, он вполне может проиграть парламентские выборы 2006 года. Тем не менее практически невозможно представить себе, что европейская идея сдаст в Украине те позиции, которые она завоевала.

В июле 2004 года в Южной Италии я проинтервьюировал 12 полулегальных и нелегальных иммигрантов с Украины. Большинство из них было в возрасте 45–60 лет, из восточных регионов, русскоязычные, а одна женщина – вообще уроженка Подмосковья, оказавшаяся в Западной Украине после двух десятилетий военной службы. Все собирались вернуться в Украину, скопив средства на достойную жизнь. Интервью не может считаться репрезентативным, поскольку большинство этих людей так или иначе обменивались взглядами на ситуацию и выработали некую «среднюю» позицию. Тем не менее результаты бесед достойны внимания. Людей объединяло резкое неприятие действующей власти, чья политика «выгнала их из страны», поэтому поддержка ими «преемника» Кучмы исключалась. Большинство прямо не поддерживало и Ющенко, однако считало его в большей степени способным обуздать олигархию (борьба с олигархами была главной причиной популярности среди них Владимира Путина) и начать движение к лучшему (то есть «как в Европе») устройству государства.

Оранжевая революция в контексте жанра

Вячеслав НИКОНОВ,
президент Фонда «Политика» (Москва)

Итак, в Киеве произошла революция! Или не произошла? Может быть, там просто подвели итоги слишком бурной избирательной кампании или был организован государственный переворот?

Рассудит, как всегда, мудрая дама – история. Но уже сейчас вполне можно попытаться сопоставить обстоятельства прихода Виктора Ющенко к власти с классикой революционного жанра, с общепринятыми критериями революций. Впрочем, следует отдавать себе отчет, что на самом деле ничего общепринятого в этом вопросе нет, дефиниций революции не меньше, чем аналитиков.

Конечно, большое видится на некотором расстоянии. Большевики довольно долго – до конца Гражданской войны – называли взятие Зимнего дворца в октябре 1917 года переворотом. Лишь когда стало ясно, что власть у них не отберут, он стал Великой Октябрьской социалистической революцией. Таким образом, революция – это удавшийся на долгосрочную перспективу переворот, тогда как переворот – неудавшаяся революция (Джозеф Пристли).

А был ли мальчик?

Революция, по моему определению, – это успешное решение вопроса о власти в свою пользу оппозиционной политической силой за пределами существующего правового поля с подключением организованных масс населения, прежде всего в столице. Новая власть при этом считает себя получившей легитимность именно из рук восставшего народа, тогда как формально-юридические основы легитимизации играют уже вспомогательную роль (большевики более 70 лет опирались на легитимность революции, а не на решения II съезда Советов). В Украине это очень наглядно проявилось во время инаугурации Виктора Ющенко, когда на Майдане Незалежности революционные оранжевые цвета явно доминировали над государственными желто-голубыми. Очевидно, что в условиях революции внешне правовые решения принимаются под давлением организованных масс на улицах, а также событий, носящих неправовой характер. А проигравшая сторона не считает победившую легитимной.

Если следовать названным выше критериям, то события в Украине в определение «революция» вписываются.

Революционная ситуация

Почему происходят революции? Если верить одному из классиков жанра – Владимиру Ленину, то, помимо несоответствия между производительными силами и производственными отношениями (что неизмеримо и недоказуемо), ключевую роль играют вызревание революционной ситуации («верхи не могут, низы не хотят») и обострение выше обычного нужды и страданий трудящихся масс. По этому определению никакой революции в Украине не должно было быть. Верхи, на мой взгляд, при определенных обстоятельствах (об этом ниже) могли править еще очень долго. А положение низов улучшалось – Украина занимала второе место в мире по темпам экономического роста, и соответственно росло благосостояние. Что, революция произошла на ровном месте? Нет, просто Ленин, как и во многих других случаях, был неправ.

В истории не зафиксировано «низовых» революций. Еще Платону было известно, что низы не могут победить элиту, если элита не разделена. Неконсолидированность властной элиты, глубокий раскол в ней – обязательное условие любой революции. В Украине это условие было.

А в отношении революционизации низов современная политическая наука склонна следовать концепции не Ленина, а Алексиса де Токвиля. Радикальные настроения овладевают массами не тогда, когда им живется действительно плохо (в такие моменты решаются проблемы выживания), а когда в обществе существуют высокие ожидания улучшения своего положения, но они не реализуются. В этом смысле каждая революция – революция несбывшихся ожиданий. Разочарование в результатах первых лет существования Украины как независимого государства и в политике Леонида Кучмы было налицо.

Итак, революцию породили раскол элиты и завышенные ожидания людей. Но не только. Сами по себе революции не происходят, для них нужны «движущие силы».

Почему верхи не смогли?

Иногда российские политические нравы сравнивают с византийскими. Полагаю, для характеристики украинской политики это сравнение более применимо. Все альянсы временны, друзья и противники часто меняются местами, взгляды могут трансформироваться в противоположные в считанные часы, мастерство «разводки» доведено до степени искусства и т. д. На этом фоне российская политика выглядит уж слишком прямолинейной, «монголо-татарской», если хотите, а вовсе не византийской.

В Украине элита и власть похожи на амальгаму постоянно перемещающихся в пространстве политических сил, за каждой из которых стоят вполне реальные экономические и идеологические интересы. Причем каждая из этих сил, по большому счету, опасается усиления любой другой, даже временно дружественной. Система «сдержек и противовесов» не только между государственными институтами, но и между элитными группировками была безусловной реальностью в кучмовской Украине.

Виктор Янукович, ставший в силу ряда обстоятельств кандидатом от власти на президентских выборах 2004 года, воспринимался не как устраивающая всех (или хотя бы большинство элитных групп) консенсусная фигура, а скорее как представитель лишь одной – донецкой – финансово-промышленной группировки, которая пользовалась репутацией наиболее агрессивной и бескомпромиссной. Поэтому перспектива победы Януковича вызывала опасения даже внутри нее, внешне вполне лояльной к действовавшей власти. А Ющенко, сам плоть от плоти этой власти, в этом контексте рассматривался многими в качестве «меньшего из двух зол», а вовсе не «абсолютного зла». Движущими силами «оранжевой революции» на элитном уровне выступали аутсайдеры в бизнесе и те предприниматели, которые боялись увидеть себя в роли аутсайдеров при новой власти; национально ориентированная часть госаппарата, довольно неплохо представленная в том числе в спецслужбах и во внешнеполитическом ведомстве; элиты западных регионов; национально-либеральные интеллектуальные центры.

Партии власти в строгом смысле этого слова в Украине Кучмы не было вообще. Ее функции в Верховной раде выполняли фракции объединенных социал-демократов, партии регионов и разрозненные центристы из предвыборного блока «За единую Украину», часто не способные договориться о единой линии и не имевшие стойкого большинства. Президент подчеркнуто дистанцировался от партий. Оппозиция в лице «Нашей Украины» Виктора Ющенко, Блока Юлии Тимошенко, социалистов Александра Мороза и коммунистов Петра Симоненко часто задавала тон в дебатах и по целому ряду вопросов могла рассчитывать на большинство голосов. Именно аморфность и неконсолидированность проправительственных сил в политически очень влиятельной Верховной раде, спикер которой – Владимир Литвин – к тому же предпочел сыграть в собственную игру на стороне оппозиции, сделала возможной ситуацию, когда именно рада выступила одним из главных инструментов делегитимизации победы Виктора Януковича во втором туре выборов.

В принципе, даже с учетом всей сложности расстановки сил в элите и влияния внешних факторов, правящая группировка могла удержать власть. Для этого достаточно было, по примеру Бориса Ельцина образца 1999 года, запустить операцию «преемник», при которой Кучма пропустил бы вперед достойного наследника престола. Или хоть не мешал бы ему вести полноценную избирательную кампанию. Но такой операции не было.

По моему убеждению, в планы Кучмы не входила победа Януковича, а если входила, то только как часть более широкого плана по обеспечению политического и финансового будущего самого второго гаранта украинской конституции и его семьи, а также по ограничению возможностей будущего президента с помощью конституционной реформы. Яну-

ковичу, который и так был не самым удобным для избрания кандидатом от власти, Кучма просто не дал вести кампанию, не позволил высунуться из-за собственного плеча. Многочисленные штабные структуры погрязли в конкуренции, дублировали и гасили друг друга, тогда как оппозиция вела профессиональную и скоординированную избирательную кампанию.

Заграница нам...

Можно много спорить, какое значение для раскладов в верхах и в обществе имело воздействие зарубежных акторов. Геополитическая схватка действительно имела место. На Западе воцарилось единство взглядов на то, что «Россия без Украины» лучше, чем «Россия с Украиной», поскольку первое означало бы окончательное закрытие «русского вопроса» в истории. Путин, со своей стороны, эту логику тоже оценил. Фактом является то, что ни на одних выборах в мировой истории влияние внешних сил не было столь большим, ни одни выборы не привлекли столь пристального международного внимания. Количественным выражением этого стало присутствие на третьем туре 15 тысяч наблюдателей из западных стран и 900 – из СНГ, тогда как до этого ни на одних выборах в мире не приезжало больше 600 человек.

Участие Запада не ограничивалось силой примера, когда сам успешный образец и олицетворяемые им ценности вызывают желание подражать. Была обеспечена финансовая независимость большого количества неправительственных организаций, ставших активными субъектами коалиции Ющенко. Пиар велся во всемирном масштабе – даже в газетах Нигерии чуть ли не ежедневно шла пропаганда «оранжевой» коалиции. Кроме того, фактор Запада изначально был одним из решающих для делегитимизации выборов на случай успеха кандидата от власти и для предотвращения применения силы против революционных масс. Важно и то, что властные фигуры были весьма уязвимы, учитывая их собственные деловые интересы на Западе, а также наличие там немаленьких банковских счетов. В Швейцарии или Бахрейне они могли оказаться под угрозой в случае «неправильного» поведения.

Участие России в выборах тоже имело беспрецедентно большие масштабы. Однако по эффективности оно отставало от западного, подчеркивая отсутствие собранного российского государства и общества, современных навыков воздействия на внутренние процессы в других странах. Согласованной линии Москвы в отношении Украины не получилось, было продемонстрировано неважное понимание украинских реалий. Российские финансовые ресурсы и политические консультанты оказались в обоих лагерях. Неизвестны какие-либо западные силы или СМИ, финансировавшие или поддерживавшие Януковича, тогда как Ющенко получил серьезную поддержку от российских либеральных политиков, прессы и раскладывавших яйца во все корзины бизнесменов.

То, как Кучма обошелся с Путиным, когда предложил поддержать кандидата, избрания которого сам не очень хотел и от которого в конце концов отказался, – мягко говоря, верх византизма. Или «разводка» на высшем уровне.

Почему Путин «развелся» (за что его сейчас повсеместно критикуют)? Располагая всей информацией о деятельности западных стран в связи с украинскими выборами, он решил принять вызов. С точки зрения Кремля, речь шла о геополитической ориентации Украины в XXI веке и о границах «русского мира» (Украина – колыбель русской цивилизации, где находятся основные русские национальные святыни). Своего проекта у Москвы не было, политика на украинском направлении была замкнута исключительно на Кучму, а значит, – на предложенного им кандидата. Не Путин выбирал Януковича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.